КРОКОДИЛ

— Ну-ка, солнце, ярче брызни!..

Рисунок В. ГОРЯЕВА

Вл. МИТИН,
специальный
корреспондент
Крокодила

НА ПОЛЮСЕ ДРУЖБЫ

И все-таки это была настоящая пресс-конференция, устроенная под острым соусом традиционных кушаний корейской кулинарии, которыми угощало сегодня карагандинское кафе «Парус»... Когда мы отведали очередное многоэтажное блюдо с самым коротким в мире названием — «хэ» (будучи произнесенным по-корейски, оно еще короче, чем на бумаге), собравший нас директор местной типографии Петр Тангювич спросил:

— Есть ли у кого какие замечания?

За столом сидели представители областных газет на казахском и русском языках, корреспондент республиканской газеты и газетчик тоже республиканского органа — «Фройндшафт», спецкор «Крокодила» и репортер Вацек Гронтовский. И ни у кого никаких замечаний не оказалось!

Мы грели наши уста и души воистину международным блюдом — «хэ», в котором есть все, на любой вкус, и нечаянно задумались о том, что вдруг, не сговариваясь, очутились за одним столом сразу шесть человек разных национальностей.

— Подумаешь! — беспечно выразился Вацек, путаясь в ароматной лапше вроде «спагетти», только вкусней. — И вообще для нас это не событие. Но вот даже в четырехъязычной Швейцарии оно, возможно, показалось бы диким...

— И ничего-то вы не знаете,— объявил директор типографии,— а вот я живу здесь дольше вас всех и все знаю. Сколько, по-вашему, народов и народностей населяют Караганду?

— Двадцать пять, — сказал я просто наугад.

— Мало, — наслаждался Петр Тангювич. — Кто больше? Я скажу: сто девять!

Некоторое время мы сидели, остолбенев, профессионально усваивая эту цифру...

Получалось, что Караганда — это просто-таки Вавилонская башня союзного значения в миниатюре. И тогда все закричали, что вот хоть и упрекают репортеров в мимолетности, а смотрите, они открыли языковой полюс мира...

Ваш спецкор сидел молча: он еще не знал, что ему предстоит встретить в Караганде... русского казаха.

* * *

Если кто-то думает, что здесь по весне лучший транспорт — романтический синий троллейбус, то лучше сразу выйти из него и встать на коньки. Все равно ролики соскочили с проводов, и лукавая раскосая девчонка-водитель хлещет штангами пронзительное предмайское небо... Днем сыплет с крыш пулеметная капель, а ночью поддаст морозец — и улицы делаются катком.

Я скользил к комбинату «Карагандауголь» на своих двоих и обдумывал вопрос, который я задам его директору Петру Михайловичу Трухину.

— Наиболее многонациональная шахта? — переспросил Петр Михайлович. — Расплывчато. Таких просто очень много.

Тогда я начал изобретать «сверхзадачу»: найти шахту с самыми редкими национальностями.

— Пожалуйста, — отвечал П. Трухин. — Нивхи, вепсы, табасаранцы, талыши, абазинцы, джемшиды, нганасаны...

Я попросил тов. Трухина продиктовать и навалился на конференц-стол.

— А гагауз нужен? — неожиданно спросил чей-то, как мне послышалось, совершенно загробный голос.

— Гагауз — это прекрасно,— дрожа от репортерского рвения, ответил я и посмотрел вокруг. Выяснилось, что это говорил селектор, связующий кабинет с шахтами.

— Приезжайте к нам, — пригласил еще один голос. — У нас есть селькупы, кеты, долганы...

П. Трухин сказал, что так дело не пойдет, в том смысле, что всего объять невозможно, а у него скоро планерка. Не угодно ли, скажем, повидать ровесника СССР, родившегося в декабре 1922 года? Есть такие. Я сказал, что, конечно, угодно, но желательно, чтобы данный ровесник работал на шахте имени Советского Союза и чтобы сама шахта праздновала свое пятидесятилетие...

— Приезжайте-ка вы к нам, — раздался третий голос. — Мы тут вам дадим все необходимое...

Голос принадлежал начальнику участка коммунистического труда Владимиру Корнеевичу Тонкошкуру. Название его шахты было тоже вполне подходящее: имени 50-летия Октябрьской революции.

* * *

Я смотрел из «газика» на Караганду и понимал, почему люди, оказавшись тут ненароком, просто купить спичек в вокзальном киоске, остаются здесь навсегда... Вообразите новехонький город, в котором чувствуется какая-то марсианская современность, терриконы, вспыхивающие фиолетовым льдом, отчаянно бездонное небо, и само слово — Караганда, туго звенящее, как сталь межпланетных снарядов...

Вот, скажем, управление шахты. Это — все что угодно: мраморный гимнастический зал, консерватория с хорами, даже внутренность фондовой биржи, но только не шахта в воображении профана. Там ждет меня Володя Тонкошкур, начальник участка № 3.

Тонкошкур приехал сюда из Ленинграда после окончания Горного института. Мне жаль, что я не портретист. Я нарисовал бы этого человека во весь рост, а внизу еще и подписал бы: знающий руководитель, образец новой рабочей интеллигенции...

Я не буду утомлять вас цифрами, хотя все их тщательно переписал в блокнот. Ну, что будет, если я упомяну 120 тысяч тонн угля, добытого участком за два месяца? Это свет в вашем доме, капрон праздничной блузки, это физика и химия нашей жизни.

Нам приносят сводку о национальной структуре рабочих шахты.

— Посмотрите, — говорит Тонкошкур, — здесь, как в магическом зеркале, видна картина нашего необъятного Союза. Здесь органический сплав языков, характеров и наклонностей... Сеня пришел? Сеня!..

Сеня Мотенко, бригадир проходчиков, давно мается в коридоре. День у него выходной, а если начальство вызывает в выходной, то особо забавного уже не жди. Впрочем, узнав, что «надо свести корреспондента вниз», Сеня смягчается и ведет меня в душевую. Теперь он — мой ангел-хранитель-нянька-поводырь.

— Папиросочки все выбросьте,—сладким голосом советует Сеня, — за них полагается три года...

Мне выдают исподнее с казенным клеймом, сапоги, портянки, а также бушлат. Затем подбирают шлем, газовую маску и «свет» — фонарик, весомый, как глыба антрацита.

— Точность — вежливость королей, — загадочно сообщает Сеня, подводя меня к клети. — Это вам не метро...

Глубинная философия этой фразы, весь ее роковой смысл ясно дойдет до меня поздней, а теперь я верчу головой, разглядывая вход в преисподнюю. Именно так его изобразил бы средневековый мистик. Высоченный портал, где под звездами роятся облака, и закопченные своды, и звон колокольный... Наскоро докурив чужой окурок, я вступаю за Сеней в клеть и по его знаку вцепляюсь в отникелированный миллионами мозолей брус.

Да, мы успели вовремя, и уже через секунду падаем на трясущейся, грохочущей плоскости вниз, на глубину... Да, так точно: мы именно падаем «стремительным домкратом», ибо никак иначе не опишешь чувства новичка. Тут надо иметь специальное образование, чтобы уяснить, что такое квершлаг или горизонт. Тут это не воображаемая линия, каковая

Александр БЕЗЫМЕНСКИЙ

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ТОВАРИЩ СМЕХ!

Есть основанье для веселья
У всех работников страны —
Все ближе мы к великой цели.
Мы сплочены, бодры, сильны.
В семье республик
звонче всех
Гремит веселый, добрый смех.

Мы в неустанной давней схватке
Громим, за горло старь беря,
И канцелярщины повадки,
И воровство, и лень, и взятки,
Сметая начисто остатки
Еще живущего старья.
В Союзе
громче, чем у всех,
Звучит издевки гневный смех.

С лица Земли сметен не всюду
Колониальный дряхлый гнет,
И для трудящегося люда
Не всюду создан мир свобод.
Капитализму верно служат
Насилье, подкуп, ложь, обман...
И смеха нашего оружье
Громит врагов растленных стан.
В стране
мощнее, чем у всех,
Гремит суровый, грозный смех.

Победы наши величавы,
Дела и думы хороши.
Смеяться мы имеем право
Открыто! Всласть! От всей души!
Одолевает все преграды
Народов дружная семья...
Звени, наш смех, и сердце радуй!
Греми, наш смех, старье громя!

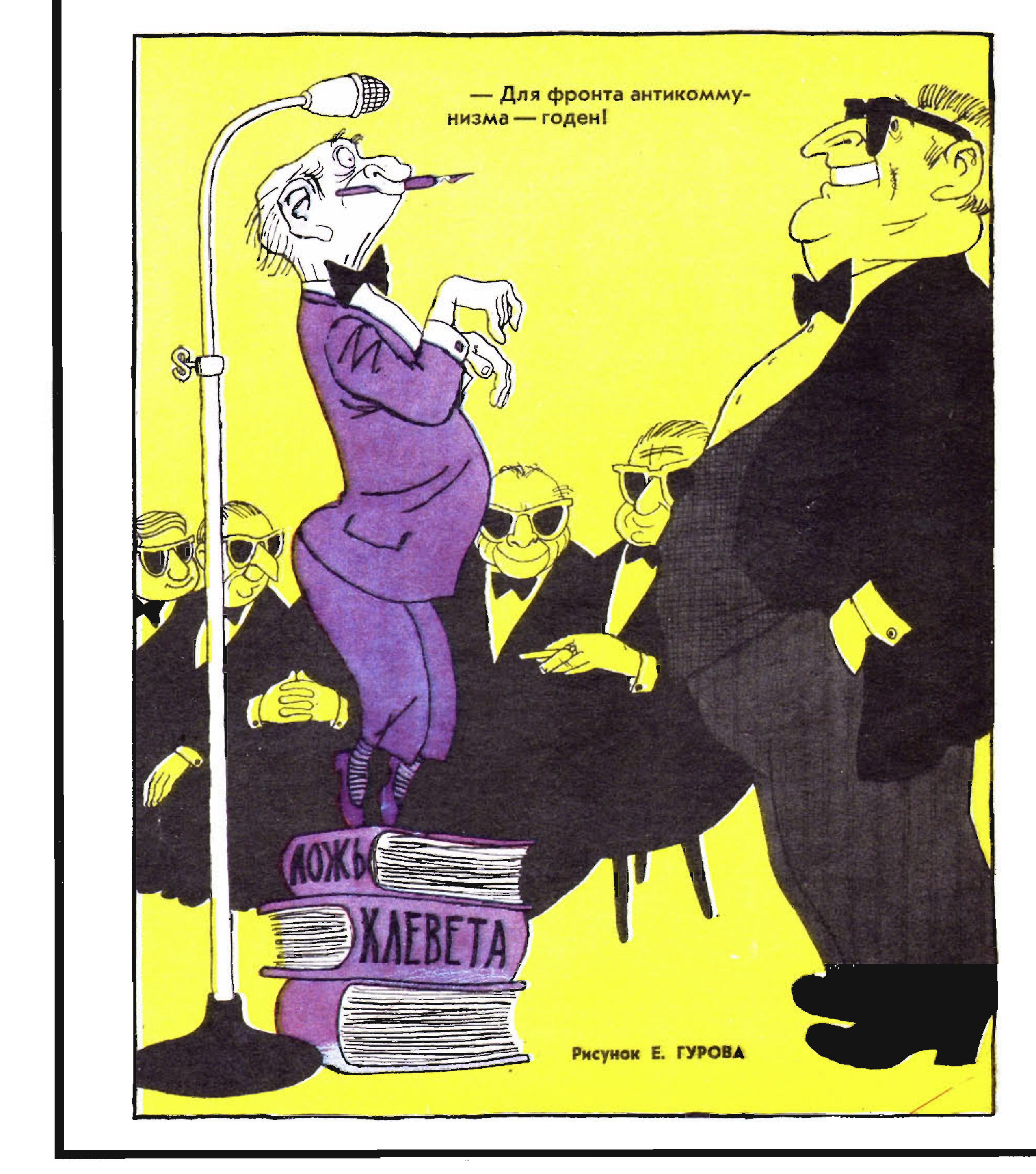

Рисунок Е. ГУРОВА

В. МАЦКЕВИЧ

ГОЛОС ИЗ БОЛОТА

По мюнхенской штрассе или, может, по нью-йоркской авеню,— координаты значения не имеют,— шествует важный прохожий. Выхоленный такой пан. Все на нем с головы до ног наисовременного стандарта: пиджак приталем по моде, галстук положенной ширины и раскраски, туфли элегантной конфигурации. Дома у него телефон с записывающим устройством, просторная ванна и бесшумный туалет — последнее слово в техническом прогрессе «свободного мира». Короче говоря, господинчик не отстает от цивилизации. А вот манеры...

Впрочем, пора уже отрекомендовать читателям нашего «героя». Здесь возникают некоторые осложнения. Он считает себя белорусом. Но с Белоруссией его связывает только его темное прошлое, когда вместе с войсками «великого рейха» он побесчинствовал в республике и потом смылся. Как его зовут? Он и сам уже не помнит. Откликается на имена Джон, Фред или Стэн. Фамилий у него также около десятка. Пользуется он ими в зависимости от обстоятельств. Для одних он Грецкий, для других — Дворецкий, а для третьих — Заманец. Потому обобщим и для краткости назовем господина просто Шпунт.

Хотя Шпунт и не стрижет купонов, как, например, какой-нибудь нефтяной король, но в карманах у него всегда кое-что найдется. На пиво хватает. Пан промышляет на радиостанции «Свобода».

Прохаживаясь по маршруту пивная — радиостудия — ресторан, цивилизованный Шпунт сушит мозги над очередным выступлением у микрофона. Тема — заезженная, как разбитая колымага: про Белоруссию, «порабощенную большевиками». Казалось бы, сколько можно?..

Но, вскормленный на сребрениках ЦРУ, Шпунт творчески подходит к материалу, и не скажешь, что заштамповался. А метод у Шпунта простой, как у старой Агаты, что всегда возражала своему деду Ничипору. Ежели дед говорил: стриженое, баба всегда стояла на своем: бритое. И наоборот.

Когда белорусы начали на своей родине становиться на ноги после хозяйствования Шпунта с его арийскими коллегами, господинчик вздыхал и ехидничал: «Москали довели Белоруссию до ручки — одну бульбу народ трескает и носит опорки. Запад давно уже пересел с автомобиля на реактивный самолет, а в Советах все еще на своих двоих передвигаются».

Но вот Белоруссия набрала силу. Построила заводы в глухомани, где раньше только совы кричали да зайцы петляли. Проложила дороги через болота. Открыла второй университет. Белоруссия заявила о себе на весь мир. Перед ней начали снимать шляпы заморские гости, удивляясь ее бурному расцвету.

И Шпунт перевернул пластинку на обратную сторону — по принципу: чем у вас там, в Белоруссии, лучше, тем для вас, белорусов, хуже.

Хватив с устатку кружку баварского пива, Шпунт катит в свой оффис. Хватается за свежие советские газеты и начинает их «творчески» перерабатывать.

В Минске инженеры разработали усовершенствованную модель компьютеров. На кой черт белорусам компьютеры? Это не соответствует психологии нации. Белорус, он издавна привык все обмозговывать собственной головой. Хватало же когда-то мужику десяти пальцев. Пусть это выглядело примитивно, зато самобытно. Бедная Белоруссия, под большевиками она все больше теряет национальный колорит!

А вот пишут: «За последние годы в республике сильно развилась машиностроительная и химическая промышленность...» Это ж неприкрытая коммунистическая индустриализация! На кой ляд Белоруссии это машиностроение да еще химия? Все, что нужно, белорусы могли бы купить на Западе. Для Белоруссии такая промышленность «не соответствует материальным предпосылкам ее экономики».

Или вот: на Полесье вырос новый город Светлогорск, и выпускают там известный на весь Союз искусственный корд. Такой заповедный уголок изуродовали! Тишина! Глушь! Вокруг болота, и лягушки по вечерам такие концерты устраивали! Весной, в половодье, ни проехать ни пройти. Чем не Венеция? А комары... Что за чудо комары водились! Укусит — до зимы чесаться будешь. А теперь вся эта красота пропадает! Стоит какой-то непрошеный Светлогорск, и не найдешь в нем ни одной живописной скособоченной развалюхи, что стояли прежде среди полесской грязи...

Вот что стряслось со старым белорусским Полесьем. Коммунисты его «советизировали». Сидел бы себе мужичок, плел лыковые лапти, так нет, он теперь корд выпускает. Под кремлевскую дудку, конечно. А лаптей сегодня на всю Белоруссию всего одна пара, да и та в музее. Вот так ущемляются национальные интересы народа! Но не тужите, земляки, мы здесь о вас помним. Не допустим, чтобы перевелись в Белоруссии лапти!

Нет, вы только загляните в минские газеты! На старой, тихой Гродненщине — капролактам, в Новополоцке (одного Полоцка им мало было!) — нитрон, в Могилеве — лавсан. Вот до чего дожили! Кап-ро-лак-там — это что такое? Во всяком случае, на пеньку, кажется, не похоже. Видимо, русское изобретение. А национальный белорусский продукт — пеньку — вывели!

И вообще не нужны Белоруссии ни машины, ни тракторы. Неважно, что «Беларусь» по всему свету тарахтит. Всякая «машинерия» противопоказана лирической душе белоруса. Нужно только гнать деготь, лепить кувшины из глины, варить пиво. Только это по душе житейской философии белорусов.

Поставивши последнюю точку над последним і, писака зашнуровывает туфли, подтягивает покрепче галстук и на цыпочках перешагивает порог кабинета шефа. Получивши допуск в эфир, защитник «порабощенной Белоруссии» срывается с места и как оголодавший пес бросается к микрофону. И вот уже по мутным волнам «Свободы» плывет мутный текст, отредактированный американским шефом этой радиостанции.

Бесшумный унитаз задарма не дается!

Перевод с белорусского

якобы соединяет небо и землю. Ибо нет здесь неба, а есть километровой глубины жуть, с хрустом изгибающая железобетонные крепи над шлемом. И нет земли, а только твердокаменные породы и уголь.

Как же здесь жилось полста лет назад, когда не было лазеров, техники безопасности, электричества, вентиляции? Когда брела по длинным темным пещерам слепая кобыла Машка и плелись с кайлами даже и не люди, а морлоки, перегонявшие свою легочную каменную пыль в золото для господ Юзов и Шидловских?..

Несутся мимо нас многотонные электропоезда со свистом и ревом. Жмись к стене, пропускай... И вот наконец состав, на котором едет лесогон Ергалиев.

— Карим Касенович! Товарищ СССР! — кричит Ергалиеву Сеня.— Остановите на секунду ваш бронепоезд...

— Тут нет запасного пути! — шутит Карим Ергалиев, родившийся аккурат в декабре 1922 года...

Мой интервьюируемый, важнейший персонаж репортажа, гремя колесами, проносится мимо... Но Сеня Мотенко недаром избран поводырем. Его знают все, но и он знает всех, а с Ергалиевым давно дружит. Они чем-то похожи: коренастые, прочно сбитые из мускулов, и у обоих общее качество — доброта... Сеня приехал из Киева, Ергалиев из Кустаная. Сене никогда не догнать СССР по возрасту, а Карим Касенович идет с ним по часам вместе... И внуков нет у Сени, а у Карима их, знаете, сколько? Уже одиннадцать.

Мы подходим к штреку, где звено Миши Хабибуллина прокладывает транспортный просек. «Здорòв, Сеня! — кричат проходчики. — Наше тебе с кисточкой!..» Сеня что-то шепчет в ответ и показывает на меня слепящим лучом света. Меня подсаживают на мостик комбайна ПК-3М. Предо мной габуцица, нацелившая зубастое жерло на толщу породы. Та-ра-ррах!.. Жерло буквально залпом вгрызается в твердь, и — поехало: со звоном падает в конвейерные загребущие лопасти порода.

Жемчужная улыбка сверкает на антрацитовом лице великана Виктора Гребе... Меня нежно поддерживает за талию Стасик Яворский, а Флориан Дулгарев, потомок молдавских виноградарей, и мой земляк Михаил Кузнецов, как две мамки, заботливо смотрят, чтобы ваш спецкор не ссыпался сам в конвейер и не был в таком виде подан на-го́ра...

Мы переходим с Сеней в другой штрек. Пройдена, кажется, тысяча километров. Но тут Сеня велит лезть, пардон, на карачках в какой-то совсем капиллярный отсек, и — слава труду! — мы ползком попадаем к вертикальному стволу...

В изнеможении я почти лежу на скамье, пока Сеня ведет дипломатические переговоры со стволовым. Но тот не хочет «выдавать» нас из шахты вне очереди.

Все-таки Сеня кому-то дозванивается по странному телефону с огромным раструбом на цепи, и передает раструб Гансу.

— Джаксы, — вдруг говорит Ганс. — Хорошо. Гут! Вы поедете через три вагонетки...

Несется вглубь за бортом пятнистая ящеричная стена... Уфф! Вот мы и на-го́ра! Хорошо сидеть у раскаленной батареи, но уже гудит любезно посланный за нами автобус, и мы едем к исходному пункту чуть ли не через весь город...

— Да, — меланхолично подтверждает Сеня.— Этот путь мы проделали под землей... Хотя, правда, так и не дошли до самой добычи. А добыча какая?

Сеня с наслаждением произносит слово «до̀быча», будто падая всем телом на букву «о». Так здесь говорят.

* * *

Мы прощаемся. Я должен остаться один, переварить увиденное и сижу в гигантском шахтном кафе один, за мясом по-казахски... Напротив садится высокий блондин с голубыми глазами. «Эстонец? Латыш?» — автоматически думаю я.

Нет. Иван Хусаинов — русский казах. В грозном 1941-м пришел в Караганду эшелон с эвакуированными детьми из Тулы...

— Пойди к поезду, ата, — сказала мужу Кюльсара Хусаинова, мать восьми детей. — Не нужны ли мы там кому-нибудь...

И взял тогда казах русского ребенка Ивана.

В 1947-м исполнилось Ивану шестнадцать лет. Туда-сюда, надо получать паспорт.

— Как тебя записать, сынок? — спросил приемный отец Алтынбек Хусаинов.— Ты ведь туляк.

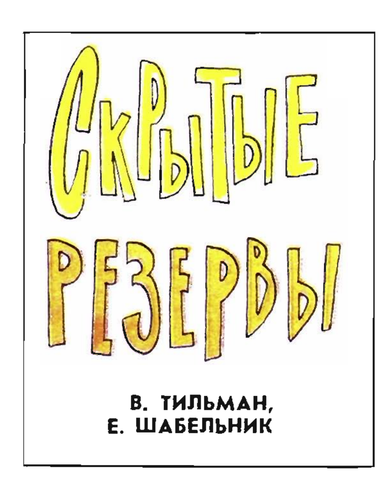
— Запиши казахом, ата,— ответил Иван и уткнулся в учебник...

* * *

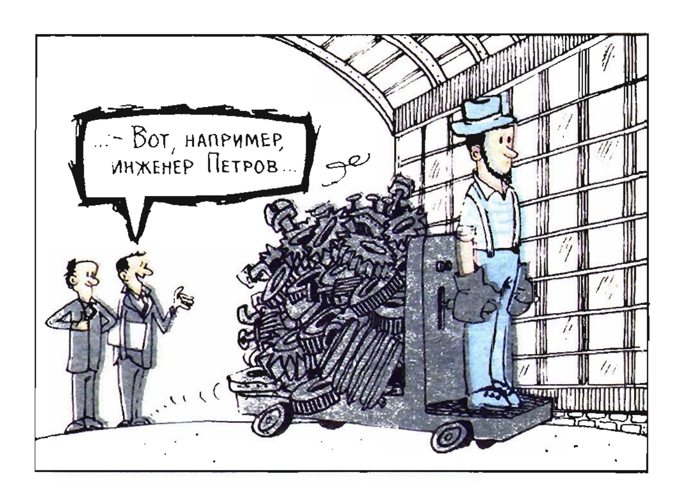
Я совсем было собрался уходить, но вбежал в кафе запыхавшийся начальник отдела труда и зарплаты Мирослав Зеленюк и сказал:

— Я обязательный человек. Пишите. Я точно узнал, что первые разработки начались на нашей шахте ровно пятьдесят лет назад...

Летит навстречу мне новый город, новая Караганда. И все уменьшается и уменьшается вдали розоватый конус терриконa шахты имени 50-летия Октябрьской революции. Я смотрю на нее и думаю: может быть, это и есть полюс Дружбы?

Альбертас ЛУКША

Рассказ

Ручей веселыми брызгами разбивался о камни, которые усыпали его песчаное дно. Журчание ручья было похоже на смех невесты, выбежавшей на луг, чтобы нарвать цветов своему возлюбленному.

На извилине ручья берег низкий, пологий — отличнейшее место позагорать человеку, вырвавшемуся из каменного мешка города.

Мы со Стяпасом еле нашли себе местечко.

Чтобы отдать дань моде (иметь шоколадную кожу!), я обалдел от жары и в полузабытьи наблюдал, как в брызгах ручья играют миниатюрные радуги.

Мои размышления прервал Стяпас: он обратил мое внимание на бедных отдыхающих.

И, право, нам, выросшим у неистовой Ширвинты, где, не умея плавать, можно и захлебнуться, становилось грустно. Воды здесь было по колено, и одни принимали теплые ванны, сидя в речушке, другие плескались, растянувшись по течению, смешно цепляясь за камни и ударяясь локтями о дно.

— Слушай! — Я ощутил руку Стяпаса на загоревшем до боли плече. — У меня идея!

Стяпас всегда бурлил идеями. Я это хорошо знаю. В одной деревне выросли.

От каверзных идей Стяпаса страдали ранние груши, собаки, подсушиваемые снаружи домов на полках сыры — вся деревня страдала от инициативного сорванца. Богобоязненные старушки, едва заметив шевелюру Стяпаса, поспешно крестились. А его папаша целых четыре километра шагал в школу объясняться с впавшими в отчаяние педагогами.

Сорванец с отличием окончил высшую школу и стал инженером-строителем. Потом придумал какую-то новую технологию производства сборных блоков. Про него писали газеты. Он срывал премии и поощрения. И для меня большая честь по-дружески лежать рядом со знаменитостью!

— Послушай,— не отставала знаменитость.— Надо перекрыть ручей!

Я не торопясь встал. От жары замерцало в глазах. Я послюнявил указательный палец и приложил к затылку инженера.

— Шипит,— сказал я, отдергивая палец, как от жаровни.

— Не дури,— проворчал набитый идеями Стяпас. — Мой проект совершенно реален. Нужно только сагитировать неорганизованную мещанскую массу, лежащую на берегу.

И ораторским голосом обратился к отдыхающим:

— Внимание!.. Солнце, воздух и вода полезны для организма! Погода — прекрасная... От солнца — сатанеем... А река? Разве это река? Простите за выражение, пуп нельзя замочить. Поэтому предлагаю построить плотину.

Все отдыхающие слышали голос трибуна. Но ни одна фигура не поднялась с песка.

Стяпас, отдуваясь, шлепнулся рядом со мной.

— Ну и народец! — сказал он.— А еще ворчат: то колбаса не нравится, то молоко в магазине кислое. Сагитируй таких!..

Я молча согласился с его философией. Полежали еще полчаса.

— Знаешь что? — решил Стяпас.— Да ну их к чертям! Давай строить вдвоем. Вот такой нос им пришьем...

Выбираем самый тяжелый голыш, голыш среди голышей, и скатываем его на середину ручья: это основа будущей плотины. Потом начинаем подбирать крупные камешки. Камень за камнем, один к другому летят в ручей. И работаем сосредоточенно, стараясь показать, что презираем этих бездельников на песке.

Ближе всех к воде лежал не по годам располневший гражданин. На нашу работу он смотрел сквозь короткие пальцы, опершись на локоть. Потом сел, поглядывая в нашу сторону с каким-то сомнением. Мы видели, как его дряблое тело кипело от внутренней энергии. Наконец человек решился. Вошел в воду.

Как раз в это время появилась молодежь. Нормально подстриженные, нормально волосатые, молодые бородачи высыпались из автобуса.

— Братва! — закричал один, у которого энергия переливалась через край, как пиво из стакана. — Отцы придумали люкс дело! Поможем, что ли?

...Утомленные, мы лежим рядом со Стяпасом на прежнем месте, впитываем ультрафиолетовые лучи, а ручей забит народом. Давно позабыв о нас, инициаторах, там командуют, советуются, спорят и указывают...

И плотина растет.

Перевод с литовского.

ВЕСНА БЮРОКРАТА

На волю птичку выпускаю...

Рисунок Ю. ГАНФА

Игорь ТАРАБУКИН

Кто есть кто?

Живет на свете человек,
И нет ему отрады.
Все потому, что он весь век
Сидит не там, где надо.
По службе он искусствовед,
А по призванью — плотник.
И чахнет в нем немало лет
Талантливый работник!

Вот Петр Иваныч, управдом.
Вдруг — течь в водопроводе,
А он заводит речь о том,
Что все течет в природе...
Хоть разводи в подвале рыб,
Он лишь посмотрит косо.
Как знать, а может, в нем погиб
Властитель дум — философ?!

Зато мыслитель выступал
И так вертел цитаты,
Что недостаток тут же стал
Похожим на достаток!

Оратор фразами играл...
А я смотрел с укором:
Какого цирк наш потерял
Прекрасного жонглера!

А Пал Семеныч, тот двух слов
Связать порой не может.
Молчит все дни. Лицом суров,
А взгляд — мороз по коже!
Он не балует словом нас,
А скажет — на смех курам.
Ему б вахтером в самый раз,
А он пошел в... культуру!

И я стою, прижав к груди
Колючих строк рапиру,—
Как Пал Семеныч поглядит
На всю мою сатиру?!
И что бы мне занятий род
Избрать поосторожней...
Ведь, может быть, во мне живет
Талантливый сапожник?!

Не начать ли этот рассказ какой-нибудь красивой лирической фразой? Ну, хотя бы такой: «Над городом медленно опускался вечер».

Но что прикажете делать, если вечер взял да и не опустился? И совсем не потому, что заторкался со всякими делами и забыл завести будильник.

Нет, причина тут очень даже уважительная и с нарушением трудовой дисциплины никак не связана.

Все дело в том, что место действия нашего рассказа — город Ленинград, а время действия — весна и остается совсем немного до того самого незабываемого отрезка года, когда хозяйничает в Ленинграде круглосуточный светлый день.

Именно в один из весенних дней Серафима Игнатьевна Брудастова, наскоро ополоснув посуду и решительно заявив торчавшему на кухне десятилетнему внуку Димке, что горячего ужина сегодня готовить не будет, повязала теплый платок, сунула по привычке в карман две авоськи и устремилась к выходу.

— А ты,— строго наказывает Брудастова внуку,— сам телевизор не крути. И без меня на «Тринадцать стульев» не садись. Сегодня их на два часа раньше пускают.

Серафима Игнатьевна выходит на площадку и, прежде чем переступить ступеньку, прислушивается, сколько раз щелкнул замок. Три раза. Все в порядке. Теперь можно идти. Впрочем, путь совсем недалекий. Вот тут, сразу же у самого подъезда стоит длинная, неизвестно откуда принесенная скамейка, на спинке которой кто-то из молодежи (Брудастова знает кто, но молчит) написал ярко-зеленой краской: «Наблюдательный пункт».

Серафима Игнатьевна посмотрела на сидящих женщин и, недовольно поджимая губы, тяжело вздохнула:

— И до чего народ оперативный пошел. Чуть-чуть замешкался — глядишь, тебя уж обскакали. Ну-ка, милые подружки, потеснитесь по возможности... Вот так... Еще маленько... А то расселись, как мужики в троллейбусе... Порядочной старухе даже радикулит свой уместить негде.

С помощью собственных локтей отвоевав львиную долю скамеечного пространства, Серафима Игнатьевна довольно оглядывает спрессованных ею соседок, поправляет съехавший на затылок платок и, показав рукой на крайнее справа окно в первом этаже, говорит:

— Что-то Лексевича не видно. Не иначе как запил.

— Да он и не пьет вовсе,— недовольно говорит Евгения Федотовна, та самая, что после прихода Брудастовой оказалась отодвинутой на самый край скамейки.

— Запить может и непьющий,— спокойно объясняет Серафима Игнатьевна.— Была бы только причина. Вот Грудицина, к примеру, взять можно. Из восемнадцатой квартиры. Не пил он всю жизнь — это верно... А вот как в вечерней школе насовали ему двоек за географию, так он уж такого позора никак стерпеть не мог... Человек, понятно, солидный, на заводе двадцать лет с почетной доски не сходит. Одних зятьев трое, не считая внуков, а тут вдруг география. Здесь уж хоть кто запьет. Спасибо, родственники вмешались, наняли ему по объявлению ученого старичка, чтобы на дому с ним занимался. Так что вы скажете — три месяца позанимался и одни пятерки приносить стал... Намедни я с его женой за навагой стояла, так она просто не нарадуется...

Минуту-другую все сидящие на скамейке молчат.

Молчаливое старушечье раздумье нарушает голос бывшей дворничихи тети Насти, по прозванию «колобок». Она достает коробочку с ментоловым драже и протягивает ее рассказчице.

— Угощайтесь, Серафима Игнатьевна!

— Сердечные, что ли?

— С ментолом... От склероза продавщица рекомендовала...

— Спасибо, — благодарственно кивает головой Серафима Игнатьевна.— Так и быть, пригублю горсточку, а вообще лучше бы воздержаться. При моем радикулите сладкого, говорят, лучше избегать. Я тут как-то перед сном поела ватрушки, так всю ночь кошмары мучили... Будто на телевизоре картошку жарю, а с экрана на меня живая обезьяна лает. Одно спасенье, что я от испуга со своей раскладушки свалилась, а то, пожалуй, так и закруглилась бы во сне.

— А вы на ночь форточку открывайте,— советует все время молчавшая Юлия Григорьевна, сухощавая, доброглазая старуха, недавно снова вернувшаяся на работу смотрителем в Русский музей.

— Вы бы мне еще моржихой заделаться посоветовали! — вздрагивает от обиды Брудастова.

— Тоже бы неплохо и для нервов и для вашего радикулита. Закаляться всем полезно.

— Вот и закаляйтесь сами!— огрызается Брудастова.— А я и так в очередях закаляюсь!

Понимая, что назревает конфликт, сидящая рядом с Брудастовой няня из домового детского садика, которую за ее пристрастие к нарядам прозвали «модницей», желая разрядить обстановку, переводит разговор на совершенно безопасную и давно обкатанную тему.

— Вчера по первой программе,— говорит «модница»,— фильм показывали. Про любовь. Хороший фильм, жалостливый. Особенно когда муж на почве сердечной болезни в свою семью возвращается, а его пятеро детишек встречают. И все такие чистенькие, веселенькие — ну точь-в-точь как в нашем садике!

— А любовь-то тут при чем? Ты про любовь расскажи!..— торопит «колобок».

— Уж какая там любовь, если пятеро детей...— смеется Евгения Федотовна.

— А любовь совсем и не между ними, а у другой пары,— объясняет «модница».— Учитель там один, по музыке. Почтальоншу полюбил. Ей лет тридцать пять будет, а ему и все сорок. А как встретятся — сразу в обнимку и целоваться. И до того бессовестные: вокруг них общественность, а они у всех на глазах — взасос. Честное слово!

На рассказ «модницы» сидящие реагируют поразному. Кто смеется, кто возмущается. Тетя Настя, все время занятая своими конфетами, каким-то чудом услышав, о чем идет разговор, не может удержаться от замечания:

— Вот поцелуются раз-другой, а на третий раз родители в универмаг бегут — кредитование на колясочку оформлять!

— Сами родители виноваты,— сердито говорит Брудастова.— Распустилась молодежь, чего уж тут скрывать. Я с мужем покойным сорок один год прожила, троих детей вырастила, а он меня за все это время всего-то два раза поцеловал. Один раз в день свадьбы, а второй раз, когда в больнице лежал. Зато я и дочь к этому баловству не приучала. Вот и внучка моя, слава богу, в университете на второй курс переходить готовится, а, сохрани-избави, ничего такого в поцелуйном смысле никогда себе не позволит.

— Это какая из твоих внучек? — интересуется Юлия Григорьевна.— Не та ли, что с модной прической, длинноволосая брюнетка в меховой шубке?

— Она и есть...

— Таких красивых девушек Маковский любил рисовать,— доверительно сообщает Брудастовой Юлия Григорьевна и, желая, чтобы поняли, о ком идет речь, добавляет:— Художник Маковский. Владимир Егорович. В 1920 году умер. Его картины в нашем музее висят. Очень рекомендую посмотреть... Люди по двадцать раз к нам ходят — не насмотрятся!

Растроганная тем, что обычно скупая на похвалу, слывущая в доме знатоком искусства Юлия Григорьевна назвала ее любимую внучку красивой, Серафима Игнатьевна даже привстала с места, чем мгновенно воспользовалась сидящая на самом краю скамейки Евгения Федотовна.

Теперь уже Брудастова вынуждена сесть где-то сбоку-припеку. В другое время она не стала бы терпеть неудобства и ушла бы домой, но как уйдешь, если вся скамейка наперебой расхваливает ее внучку Галю?

— А помните, как она с малышами игру затеяла? — вспоминает «модница». — Детишки наши души в ней не чают!

— Самостоятельная дивчина, чего тут говорить! — берет слово Евгения Федотовна.— Сама себе пальто сшила... И фасон свой придумала. Все девчонки от зависти с ума посходили!

— Лицо у нее, это верно, как на картине, недаром, говорят, к ней из кино все приставали — сниматься заманивали...— замечает «колобок».

— Отказалась она от кино — очень уж ее в университете всякими делами загружают,— не выдержала Серафима Игнатьевна и, оглядевшись по сторонам, словно опасаясь, что кто-нибудь посторонний может подслушать, с нескрываемой гордостью и важностью в голосе громко шепчет:

— Комсоргом ее выбрали. А за хорошую работу гитарой наградили...

— Так и до ордена постепенно может дойти! — глубокомысленно изрекает «колобок».

— Вполне возможно,— соглашается Брудастова, а сама думает: «Хорошо, что никто, кроме меня, не знает, что это она на скамейке «наблюдательный пункт» написала».

— Да, лицо у нее запоминающееся. Я, значит, не ошиблась,— вступила снова в разговор Юлия Григорьевна.— Иду вчера с работы, а у самой лестницы ее какой-то лохматый молодой человек целует...

— Целует?

— Галю?

— У лестницы?

Скамейка заскрипела на все голоса.

Старушки одновременно, как танцорши из «Березки», повернулись в ту сторону, где сидела Брудастова, и так же согласованно замерли в ожидании.

— Путаете, Юлия Григорьевна,— с трудом произносит Брудастова.— К глазному врачу обратиться надо. Тут ведь дело серьезное. Это вам не картины сторожить!

— Сторожат сторожа, а я смотрительница зала,— все так же по-доброму улыбаясь, говорит Юлия Григорьевна.— И на зрение свое пока не жалуюсь. А вот вам, голубушка, есть о чем подумать. Уж если на всех критику наводите, то и себя щадить не надо.

— Я за свою Галю голову на отсечение отдам,— уже неизвестно к кому обращается Брудастова.— И ведь какую злоязычную клевету придумали! Да разве она себе позволит, чтобы на людях целоваться, да еще среди бела дня!

Серафима Игнатьевна хочет еще что-то добавить, но вдруг тетя Настя толкает ее кулаком под бок.

— Вон там!..— указывает рукой тетя Настя.— Видите? Парень и девчонка... Да никак целуются?

— Так и есть,— говорит Юлия Григорьевна, сложив козырьком руки и вглядываясь по-капитански вдаль.— Она! Ваша Галя! В натуральную величину... И парень, кажется, тот же самый...

Брудастову так шатнуло, что, не поддержи ее Юлия Григорьевна, она бы наверняка упала.

— Ну, вот, уважаемая,— говорит Юлия Григорьевна, заботливо усаживая своего недавнего врага на скамейку.— Верно ведь я сказала, а вы — «клевета» да «клевета»... Возьмите-ка таблеточку... Да не грызите только... Пусть она под языком растает...

Брудастова кладет голову на острое плечо Юлии Григорьевны и тихо всхлипывает:

— Дура я, дура... И дочка моя — тоже ротозейка порядочная... Не усмотрели мы за Галькой... Бить нас мало... Под суд таких отдавать надо за попустительство!

— Сюда идут! — докладывает Евгения Федотовна.— Да никак и дочка ваша с ними?

Брудастова все еще лежит на плече Юлии Григорьевны, когда к скамейке подходят трое: веселая, раскрасневшаяся Галя, ее мамаша — пышная, широкая в плечах, как Серафима Игнатьевна, и длинноногий, умеренно рыжий, лохматый парень.

Несмотря на отсутствие бороды и усов, он еще очень молод. Хотя старается казаться старше своих лет.

— Что с тобой, мама? — бросается к Брудастовой дочь.

— Да так, ничего,— искоса поглядывая на парня, отвечает старуха.— Голова закружилась, и спина заныла. Все это окаянный радикулит.

— Вася! — кричит Галя.— Да ты не бойся... подойди сюда... Знакомьтесь: это моя бабушка, Серафима Игнатьевна. А это ее соратницы по «НП». А это мой жених... Вася... Верно, симпатичный?

Серафима Игнатьевна поднимает голову с плеча Юлии Григорьевны и, пристально посмотрев на парня, машет рукой:

— Сколько же ему лет, твоему Васе?

— Двадцать один год и три месяца! — прищелкнув каблуками, рапортует Вася.

— Он уже три года на заводе механиком работает. И в университете учится, на вечернем,— с нескрываемой гордостью сообщает Галина мама.

— А ты не суйся,— останавливает дочь Серафима Игнатьевна.— Пусть сам ответит...

— Пожалуйста... С удовольствием...

Судя по всему, Вася уже давно готовился к этой встрече, но сейчас вдруг оробел, и все нужные слова вылетели из головы.

— Да что же ты молчишь? — с досадой восклицает Галя.— Бабушки испугался, что ли?

— Меня бояться нечего,— говорит Серафима Игнатьевна. — Я старуха, в общем, ничего... Современная... Вот и соседки подтвердить могут...

— Безусловно,— громко смеется Юлия Григорьевна.— Что верно, то верно. Хорошую вы бабушку себе выбрали.

Вася на секунду задумывается, потом подходит вплотную к скамейке, неловко обнимает Серафиму Игнатьевну и звонко целует ее в щеку.

Серафима Игнатьевна притворно пытается вырваться из Васиных объятий и, смеясь, приговаривает:

— Неудобно как-то. При посторонних... Среди бела дня...

г. Ленинград.

«ЦВЕТИК»
Рисунок
Ю. ФЕДОРОВА

— Слышишь, дорогая, как стучит мое сердце?

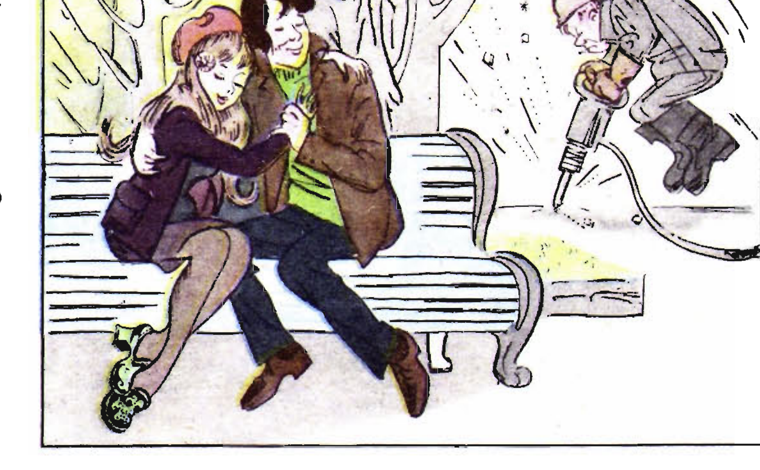

Рисунок М. БИТНОГО

— Ты случайно не нас здесь дожидаешься?

Рисунок Б. САВКОВА

— Ждал я ее, ждал, а она так и не пришла на свидание...

Рисунок В. ВЛАДОВА

Перед вами — крокодильская пародия на типичную буржуазную бульварную газету. Ее название, как легко догадался читатель,— переиначенная нами на английский лад поговорка «мели, Емеля».

Мейли Емейл

«МЕЙЛИ ЕМЕЙЛ» — САМЫЙ ИНФОРМИРОВАННЫЙ, САМЫЙ ПРАВДИВЫЙ ПЕЧАТНЫЙ ОРГАН САМОГО ЗАПАДНОГО МИРА.

самоубийство века

жена миллиардера застрелилась, зарезалась, удушилась и выбросилась с балкона

КОМО - ДЕЛЬ - ДЖОРНО. Здесь закончился продолжавшийся двадцать минут судебный процесс над миллиардером Карло Сангвини (64 года). Прокурор потребовал для Сангвини смертной казни за убийство жены Лючии (72 года). Согласно вздорной, не выдерживающей критики версии прокурора, подсудимый Карло Сангвини вместе со своей любовницей Клаудией Барбиролли (19 лет) последовательно удушил, зарезал и пристрелил синьору Лючию Сангвини и, не довольствуясь учиненным злодеянием, сбросил ее тело с балкона на улицу.

Адвокат синьора Сангвини — д-р Бенвенуто Абруцци не оставил камня на камне от утверждений прокурора. Он изложил суду истинную последовательность событий: «Синьора Лючия,— заявил адвокат,— будучи чрезвычайно эксцентричной женщиной, склонной к непредсказуемым оригинальным поступкам, сама застрелилась, зарезалась, удушилась и выбросилась с балкона. Это полностью подтверждается показаниями свидетельницы защиты синьорины Клаудии Барбиролли».

Юная Клаудиа, синеглазая брюнетка, звезда танцевального ансамбля «Голая истина», показала под присягой следующее:

«Как известно, синьор Сангвини владеет не только шахтами на Сицилии, но и нашим ансамблем. Вот почему я регулярно бывала на его вилле, где мы работали над сценарием нового ревю. Старую синьору Лючию, далекую от хореографического искусства (она предпочитала органную музыку), наши занятия почему-то раздражали. В тот вечер она буквально изводила нас своими просьбами. Сначала попросила у мужа пистолет, и через секунду мы услышали в ее комнате выстрел. Затем она вошла и принялась выклянчивать у Карло старинный корсиканский кинжал. Карло, естественно, не мог отказать. Минуту спустя она снова постучала в дверь и потребовала шелковый шарф подлиннее. Я отдала ей свой. Затем внизу на улице раздались какие-то возбужденные голоса и свистки. Оказалось, что синьора Лючия не нашла ничего лучшего, чем перемахнуть через перила балкона. Это в ее-то возрасте...»

Зал встретил показания свидетельницы овациями. Прокурор рыдал как ребенок. Тяжкая судебная ошибка была предотвращена. Судья и присяжные скинулись на букет роз, каковой был преподнесен синьору Карло Сангвини, немедленно освобожденному из-под стражи.

На снимке слева — синьора Лючия Абруцци, справа — ее любимый музыкальный инструмент.

Безработица ликвидирована усилиями ученых

ВАШИНГТОН. (От нашего корреспондента).

По инициативе Белого дома здесь был созван научный конгресс для разработки методов полного искоренения безработицы. Конгресс прошел с огромным успехом. Виднейшие лингвисты, философы и филологи внесли ряд ценных предложений по окончательной ликвидации безработицы. Было решено упразднить это безобразное, уродливое слово, оскверняющее колонки газет и засоряющее эфир, и заменить его более приятными на слух и глаз понятиями. Шквалом аплодисментов была встречена замена, предложенная профессором Дж. Хитроу-младшим: «МАССОВОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ ОТ ТРУДА И ЗАРПЛАТЫ».

Участники конгресса стоя хором исполнили «Он славный парень, дельный парень», имея в виду м-ра Хитроу-младшего.

Соответственно вместо неблагозвучного словечка «безработный» рекомендовано употреблять:

а) личность пониженного спроса,
б) неутруждаемый трудящийся,
в) индустриальный турист.

В правительственных кругах с удовлетворением предсказывают, что таким образом в самом ближайшем будущем безработица будет искоренена. Уже сейчас отмечено резкое повышение занятости среди философов, филологов и лингвистов.

ОДЕТЫЕ АКТЕРЫ

С порнографией на сцене покончено

Нью-Йорк. Неистощимую выдумку и изобретательность проявил режиссер-авангардист Ноэль Бэбс. Поставленный им на Бродвее в театре «Эврика» спектакль «Пляж» идет с неизменным аншлагом. Краткое содержание пьесы: на балконе богатой загородной виллы сидит в полном сборе семья Маккинли — глава семьи с супругой, их дети-школьники и дедушка с бабушкой. Они пьют кофе и обмениваются комментариями по поводу панорамы, открывающейся им с балкона. Самое поразительное в спектакле, что труппа полностью одета — актрисы в макси-платьях и меховых палантинах, актеры во фраках и длинных плащах.

«Публика устала от наготы на сцене,— заявил в беседе с нашим корреспондентом режиссер Н. Бэбс.— **Такие спектакли, как «Волосы» или «О Калькутта!», уже вызывают у зрителя отвращение. Пассивное созерцание обнаженных фигур на сцене больше никого не увлекает. Поэтому я пошел на революционный шаг и одел актеров. С порнографией на сцене покончено. Обнажены только зрители. Они сдают на вешалку все до нитки. Актеры с живым интересом наблюдают за происходящим в зале».**

Актер Питер Джордан одевается перед началом спектакля.

Один из зрителей кричит «браво!» при виде одетых актеров.

Очередная жертва Москвы

Как стало известно вашему корреспонденту, туристическая компания «Афри энд К°» объявила своим клиентам, что она вынуждена в нынешнем сезоне отменить обычные увеселительные путешествия в верховья Нила.

Дело в том, что построенный тут Советами по соглашению с местными властями медицинский комплекс лишил этот экзотический район его главной достопримечательности, ради которой сюда стекались ценители народного искусства из многих западных стран. Речь идет о пышных и красочных ритуалах, которыми еще недавно сопровождались похороны здешних туземцев. Появление больницы катастрофически снизило уровень смертности, что привело в упадок традиционный культ похорон, процветавший здесь на протяжении многих веков.

Представитель туристической компании, которая в результате происков Москвы оказалась на грани банкротства, потребовал от местных властей выплаты неустойки.

Инфляция не страшна

С РОСТОМ ЦЕН МОЖНО БОРОТЬСЯ, ГОВОРИТ ДОМАШНЯЯ ХОЗЯЙКА

Кен Смит, корреспондент «Мейли Емейл».

Вчера мне пришлось взять одно из самых оптимистических и приятных интервью за всю свою журналистскую карьеру. Мне стало известно из заслуживающих доверия источников, что в наши дни, когда все жалуются на рост дороговизны в стране, есть семья, которая научилась успешно бороться с инфляцией.

И вот я на углу Фридом-стрит и Хэппи-авеню. Второй вентиляционный люк справа от цветочного магазина. Стучу. «Сейчас, сейчас», — слышится глухой голос из-под земли, и тут же крышка люка открывается, и в отверстии показывается женщина. Она привычным движением стряхивает с волос мусор и вопросительно улыбается.

— Миссис Кальб?

— Да,— кивает женщина.

— Миссис Кальб, я из газеты «Мейли Емейл». Я слышал, что вам как-то удается бороться с ростом цен. Со всех сторон доносятся жалобы, и мне поэтому особенно по душе ваш оптимизм.

— Спасибо, но чего же мы стоим? Пройдемте ко мне. Не бойтесь, вы не утонете. Мы занимаем прекрасную городскую вентиляционную камеру. Правда, тут немножко гудит, но зато воздух всегда свежий. Да и выход, как вы видели, очень удобный. Надо уметь жить — вот мой лозунг. Цены — чепуха. Надо знать, как с ними бороться. Как только они в очередной раз поднимаются, мы снижаем свои потребности.

— На чем вы экономите, кроме жилья, миссис Кальб?

— В одежде мы перешли на набедренные повязки. Они очень удобны при беге.

— Вы бегаете для здоровья?

— Нет, для здоровья мы не едим. А бегаем для транспорта.

— Прекрасно, а что особенно приятно — это ваш оптимизм.

— О да, я всегда стараюсь концентрировать свое внимание на хорошем. Все считают, что рост цен буквально душит людей, но ведь есть и отрадные известия. Вчера к нам провалился обрывок газеты, и я прочла, что стабилизировались цены на бриллианты, а оборудование копок даже несколько подешевело.

— Что бы вы хотели передать читателям нашей газеты?

— Надо уметь жить,— улыбнулась миссис Кальб, открывая мне крышку люка.

В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС

Советские пушки в Африке

В сообщении, только что переданном корреспондентом агентства «Вот Те Крест» из района Лимпопо, уточняются подлинные масштабы советского проникновения в верховья Нила под невинным предлогом «медицинской помощи местному населению». В действительности имеется в виду оснащение партизан доставленными сюда из Советского Союза кобальтовыми пушками, ланцетами, шприцами и бормашинами, представляющими собою, как утверждают, новейшие виды оружия ближнего боя.

русской экспансии в штаб-квартире НАТО спешно разрабатываются планы укрепления северного, восточного, южного и западного оборонительных флангов Атлантического блока.

КОЗЫРНОЙ ТУЗ ОБВИНЕНИЯ

Сенсационные показания главного свидетеля обвинения

Топ-Сикрет (ЮПИ). 10 апреля. Сегодня, на четыреста двадцать второй день процесса над Фердинандом Коллинзом, известным пацифистом и критиком правительственной политики во Вьетнаме, обвинение выставило своего главного свидетеля. Шофер такси Питер О'Малли, 46 лет, показал, что примерно полтора года назад он вез Фердинанда Коллинза с женщиной средних лет. По словам мистера О'Малли, Фердинанд Коллинз сказал своей спутнице: «Необходимо отключить. Напомни мне...»

Прокурор Роберт Маннинг охарактеризовал показания мистера О'Малли как необыкновенно ценные для обвинения. «Нет сомнения,— заявил прокурор,— что обвиняемый намеревался отключить электричество в Белом доме и Пентагоне, чтобы таким образом парализовать деятельность государственных учреждений. Теперь понятно,— продолжал прокурор,— почему год назад погасла лампочка в туалете оперативного отдела Пентагона, когда там находился бригадный генерал Чарльстон».

Защитник обвиняемого Макс Кассиди не смог опровергнуть показания свидетеля, но утверждал, что слова «необходимо отключить. Напомни мне...» имеют совсем другой смысл. Мистер Коллинз имел в виду отключение холодильника в квартире на период летнего отпуска, который Коллинзы намеревались провести в Европе.

Прокурор, в свою очередь, заявил, что защите не удастся заморозить процесс ссылкой на холодильник.

Процесс продолжается.

Дружеские объятия

СОЛСБЕРИ. 30 апреля. (Рейтер). Можно считать доказанным, что так называемые противоречия между белым меньшинством и черным большинством в Южной Родезии — всего лишь ловкая инсинуация красной пропаганды. Это было наглядно продемонстрировано вчерашней демонстрацией родезийцев, которая закончилась сердечными объятиями между черными и белыми.

Хотя демонстрация по традиции началась с шутливых восклицаний «Долой англо-родезийское соглашение!», очень скоро полицейские начали хватать черных демонстрантов и до хруста костей сжимать их в дружеских объятиях. Не в силах расстаться с новыми друзьями, полицейские многим из них дарили браслеты для рук и вызывались сами подвезти их в служебных машинах, обещая бесплатный ночлег и питание.

К ПРОБЛЕМЕ ВЬЕТНАМИЗАЦИИ

Пресс-конференция Дж. Гопника

ДАЛЛАС (Техас). Встревоженная группа уважаемых белых граждан, наиболее рьяных патриотов — членов Клана и «Общества Бэрча», потребовала встречи с представителем правящей партии.

Мистер Дж. Гопник из Национального комитета республиканской партии срочно вылетел в Даллас, где состоялась пресс-конференция.

Пожилая дама из общества «Дочери американской революции», размахивая зонтиком, гневно спросила: «Кто позволил Вашингтону выводить войска из Вьетнама?»

— Господа, кто вам сказал, что мы покидаем Азию? — заявил м-р Гопник.— Ваши волнения неосновательны. Просто сейчас восторжествовала новая концепция войны. Сравните обычного, стандартного солдата с обычной фугасной бомбой. Начнем с того, что солдат постоянно пререкается с начальством. Бомба же, господа, беспрекословна. Теперь — что вы скажете о солдатских письмах, которые нередко публикуются в прессе?

— Сплошные плаксивые жалобы, нытье! — донеслось из зала.

— Совершенно верно. Далее. Солдат взрывается на нервной почве и наносит увечья своим командирам. Бомба взрывается на любой почве — болотистой, каменистой, песчаной и т. д. Солдат прихотлив. Подумайте, ему нужны питание, обмундирование, медикаменты, концерты с участием Боба Хоупа. Простите, мэм, но ему даже нужны девочки. Бомбе же нужен лишь детонатор... Солдат, как правило, недисциплинирован. Он охотно выполняет лишь приказы об отступлении,— его тянет только в тыл. Бомба же беспрекословно подчиняется закону всемирного тяготения — ее всегда тянет вниз. К тому же среди бомб нет ни одной, злоупотребляющей алкоголем и тем более наркотиками. Если подсчитать все расходы по содержанию солдата в Азии, то окажется, что бомба стоит много дешевле. А главное, джентльмены, бомба не митингует, не швыряет орденов и медалей к ограде Белого дома! Так что, господа, вы можете быть совершенно спокойны. Никакого отступления нет, и хорошая демократическая бомба — самый прочный залог в нашей борьбе за свободу и цивилизацию в Азии.

Мистер Дж. Гопник выступает на пресс-конференции.

СВЕТСКАЯ ХРОНИКА

Миссис Барбара Вуд, вдова техасского нефтяного магната, изобрела оригинальный способ, с помощью которого можно легко обезопасить себя от воров. Миссис Вуд обожает драгоценности, но после недавних сенсационных краж остерегается надевать на себя свои знаменитые бриллианты стоимостью в полтора миллиона долларов. На днях она появилась на приеме, украсив себя вместо драгоценностей нотариально заверенными квитанциями о наличии у нее бриллиантов. Так, с ушей у нее свисали квитанции на серьги с бриллиантами в двадцать пять каратов, в волосах красовался сертификат на тридцатикаратную диадему, а квитанция на груди заменяла колье в пятьдесят каратов.

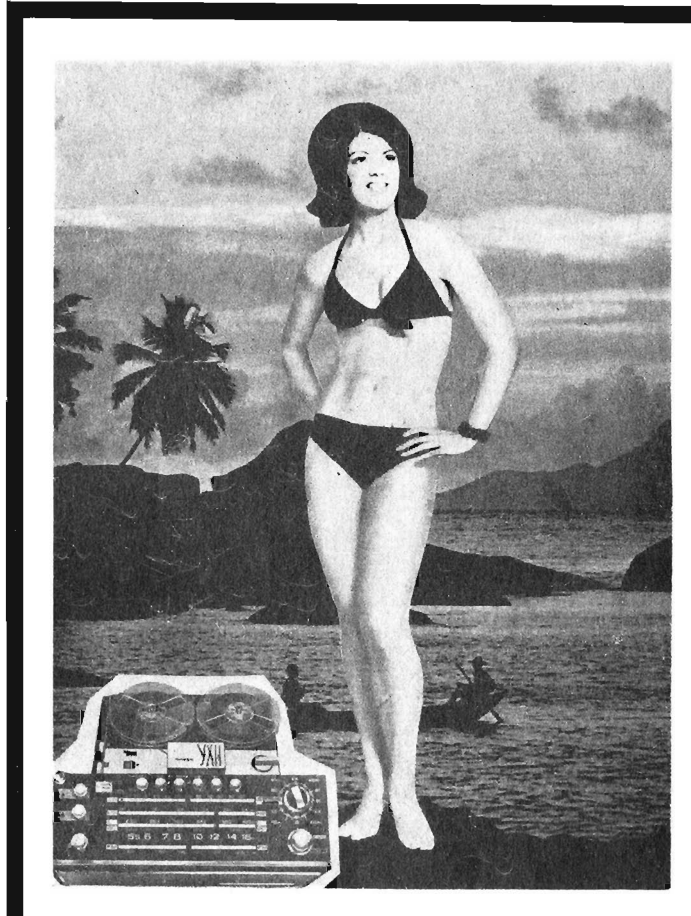
* * *

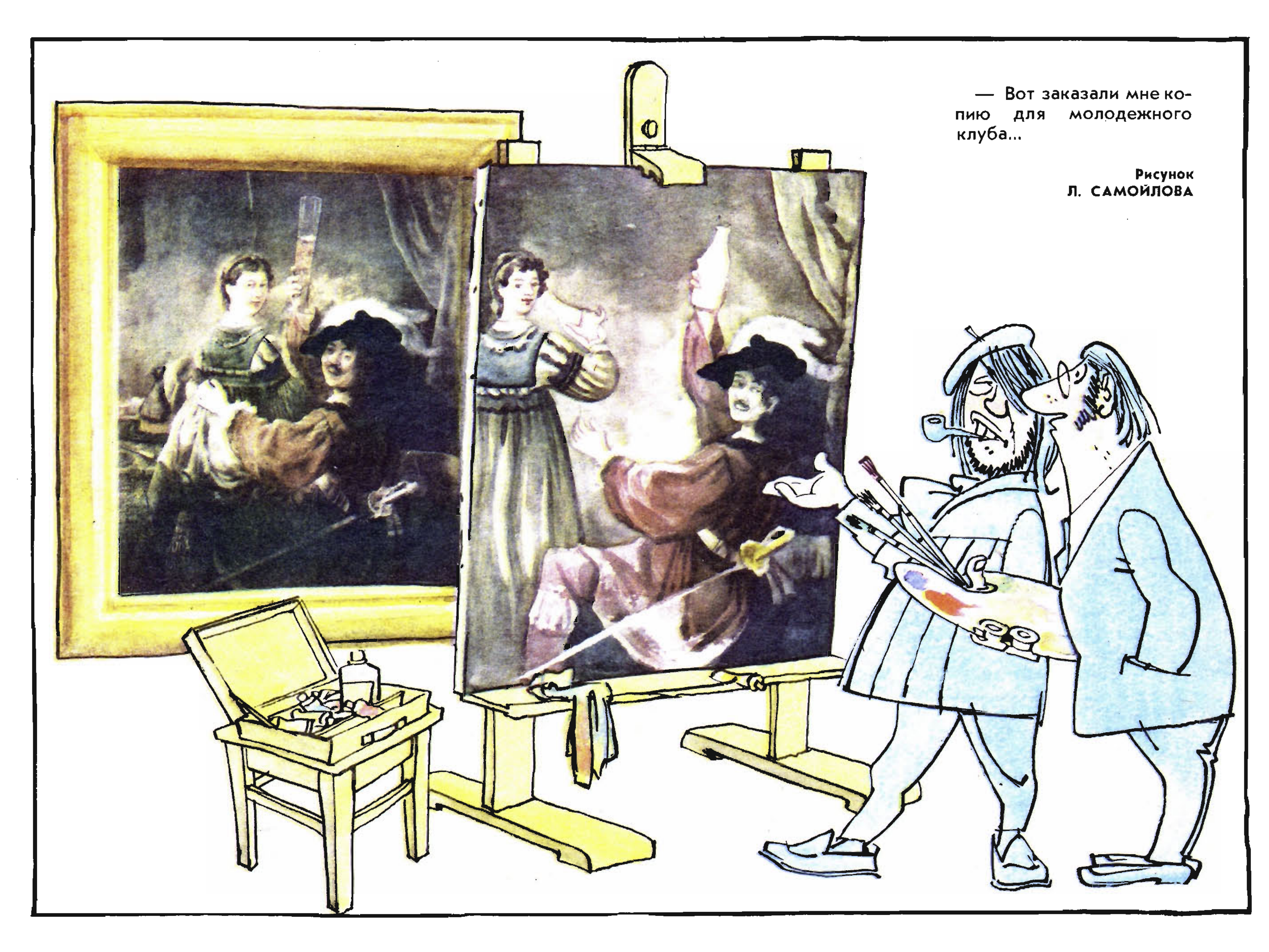
Вчера вечером жители Литтл Парадайза — респектабельного пригорода Чикаго имели возможность познакомиться с недавно поселившейся в этом районе дочерью известного миллиардера О'Хопли. Мисс Джуди прогуливала по лужайке перед своим особняком небольшого бегемота, одетого в шубку из белой норки и с золотым ошейником, инкрустированным изумрудами. Свою привязанность к этому милому животному Джуди О'Хопли объяснила не столько любовью к бегемотам вообще, сколько разочарованием в болонках: «Разве комнатная болонка требует таких расходов на туалеты, как бегемот? Собаки — слишком мелкие твари для того, чтобы состоятельный человек мог полностью продемонстрировать на них свою любовь к животным. Бегемот в этом смысле представляет гораздо более широкое поле деятельности. Одна лишь ковровая подстилка, на которой спит мой Гиппо, занимает половину моей спальни. И вообще в наше время собаки — уже просто пошлость. Их предостаточно у каждого рядового миллионера».

«ФАНТОМЫ» — ЭТО ПЛОДОРОДИЕ

Тель-Авив. 30 апреля. Представитель израильского правительства опроверг как беспочвенные распространившиеся было сообщения, что США поставили Израилю еще 50 «фантомов». Представитель признал, что 50 «фантомов» действительно приземлились на днях на израильских аэродромах, но подчеркнул, что называть это поставками было бы просто смехотворно. На самом деле, объяснил представитель правительства, группа израильских летчиков возвращалась из США, где была на экскурсии. Однако когда они прибыли в нью-йоркский аэропорт, выяснилось, что билеты на ближайшие рейсы уже проданы. Расстроенные летчики решили было плыть пароходом, но тут кому-то из них пришла в голову идея воспользоваться находившимися случайно в аэропорту «фантомами».

На вопрос корреспондента «Мейли Емейл», когда самолеты вернутся в США, представитель израильского правительства ответил, что летчики очень устали и об обратном полете не может быть и речи. Самолеты переданы израильскому министерству сельского хозяйства, которое намерено использовать их в подразделениях сельскохозяйственной авиации для сверхзвуковых обработок арабских земель.

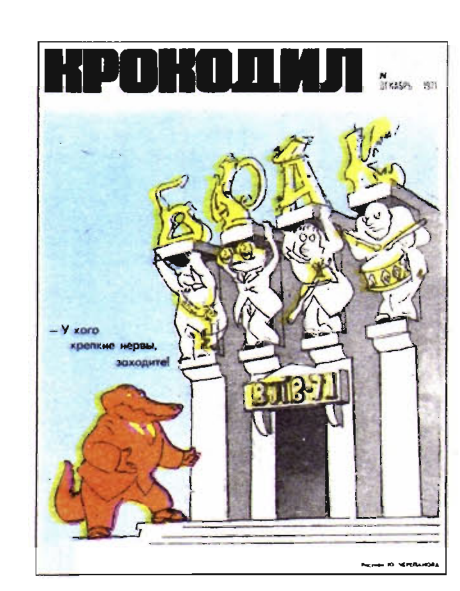
— Вот заказали мне копию для молодежного клуба...

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

Е. ДУБРОВИН,

оратор, а также постоянный посетитель магазинов №№ 36, 78, 16, 121, действительный член очереди на ремонт телевизора, податель 23 рационализаторских предложений в 5-ти книгах жалоб и предложений и пр. и пр.

СТЕНОГРАММА ВЫСТУПЛЕНИЙ НА ЗАСЕДАНИИ, ПОСВЯЩЕННОМ ВРУЧЕНИЮ НАГРАД УЧАСТНИКАМ ВЫСТАВКИ ПЛОХОВАТЫХ ВЕЩЕЙ (ВПВ-71).

ОРАТОР. Товарищи! Мы собрались сюда, чтобы...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Минуточку! Прошу прощения. Тут подошла большая группа опоздавших. Проходите, сюда, товарищи, на свободные места, не толпитесь у дверей.

Повторяю специально для опоздавших. В конце прошлого года в Продолговатом зале редакции журнала «Крокодил» была проведена Выставка Плоховатых Вещей под девизом: «За прочную дружбу вещей с людьми и гуманное отношение к потребителю». На выставку поступили сотни экспонатов товаров народного потребления, которые были размещены по павильонам: «Галантерея», «Хозтовары», «Мебель», «Автомото», «Одежда-обувь», «Электротовары», «Культтовары» и «Посуда». Отчет о выставке был опубликован в № 35 журнала «Крокодил» за 1971 год. Для победителей была учреждена Единая Большая Крокодильская медаль «За отвагу при производстве брака»...

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. Вы же сами писали: «Вырежь, раскрась и носи, где хочешь!» То есть было решено, что награждение награжденных — дело самих награжденных. А теперь вызвали сюда людей, оторвали от дела!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Правильно. Мы так писали. Каждый бракодел мог наградить себя сам. Но вы опоздали и не слышали, что я говорил. Повторяю специально для вас. Прошло уже достаточно времени, а мы пока не видели ни одного добровольца с медалью. Мы запросили ряд предприятий — участников выставки: в чем дело, почему не носите медали? И выяснилось, что вопрос награждения не так прост, как это кажется на первый взгляд. Из-за медалей идут споры. Каждый хочет наградить не себя, а соседа. В связи с чем нас попросили разрешить этот вопрос централизованным путем. Вот почему мы здесь. Прошу оратора продолжать.

ОРАТОР. Мы собрались сюда, чтобы...

РЕПЛИКА С МЕСТА. Надо привлечь к ответственности!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Кого? Мы здесь на торжественном заседании, а не где-нибудь.

ТОТ ЖЕ ГОЛОС. Работников выставкома—вот кого! Они разбазаривают медали! Мы, например, недостойны, а нас вызвали сюда. Я директор парфюмерной фабрики «Новая заря» Грибина. Про нас писали, что мы якобы выпускаем одеколон «Тайна», который, в свою очередь, вместо ароматизированной струи выпускает пшик. На самом деле все наоборот. Пшик у нас под контролем! Вот семь благодарностей от покупателей. Прошу передать в президиум... А всего за полгода фабрика получила 31 благодарность.

ЕХИДНЫЙ ГОЛОС ИЗ ПЕРВЫХ РЯДОВ. Да, но все же премий вас за качество продукции лишили! И автоматический контроль у вас на расфасовке отсутствует?

ГРИБИНА. Собственно говоря, кто вы такой?

ЕХИДНЫЙ ГОЛОС. Не имеет значения! Зачем отказываться от медали? Берите!

Михаил ХОНИНОВ

ЧАБАН И ЕГО ПЕС

Чабан, подвыпив, стал бранить собаку:
— Бездельник! Лежебока! Мертвый груз!
С волками почему не лезешь в драку!
Все спишь да жрешь.
Не сторож ты, а трус!
Обижен пес:— Я ем свой хлеб не даром,
Я стерегу овец твоих. Прости,
Но если волк не трогает отару,
С кем драку мне прикажешь завести!
Найти бы мог. Да только дашь ли сам
Твоим приятелям вцепиться в ляжку
За то, что часто ходят в гости к нам,
Чтоб за бутылку получить барашка!

Перевел с калмыцкого
Б. ЮДИН.

Николай ФЕДЮРКО

ЖАННУЛИНЫ УНИВЕРСИТЕТЫ

Бабуля Жаннуле заметила робко:
— Ты, внучка, и слова не ведаешь
«штопка».
Жаннуля — бабуле:
—Хо-хо! Смехотура!
Потрясная серость! Ну, что за культура:
Не штопка, бабуля,
не штопка, а стопка!

О ВРЕМЕНИ И О ДРУГОМ

Час над тарелкою пустой
Шипит голодный Гусь Простой,
Кляня судьбу-злодейку,
А вот явился Важный Гусь —
Бегом несут индейку!

г. Ленинград

— Рад бы помочь, да руки заняты!

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Товарищи, так мы никогда не начнем заседание. Прошу тишины. Оратор, продолжайте.

ОРАТОР. Товарищи! Мы собрались сюда, чтобы...

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. В порядке ведения... Несколько слов... Я главный инженер иваньковского завода «Термометр». Гонор—моя фамилия... Про наш термометр писали, что он показывает температуру на 15 градусов точнее всех прочих термометров. Я не претендую на медаль, но и не отказываюсь от нее, потому что не знаю сам, плохую мы продукцию выпускаем или хорошую. Все началось с жалобы покупателя товарища Кнорринга из Ленинграда, но сам Кнорринг-то нам термометр не прислал! Мы специально привели сюда товарища Кнорринга. Скажите сами, товарищ Кнорринг, прислали вы нам термометр или нет?

Г. КНОРРИНГ. Я не могу до них добраться. У меня их целых два. Один на даче, другой — дома, но за заделанным на зиму окном.

Р. ГОНОР. Вот видите!

Г. КНОРРИНГ. Но я клянусь вам всеми святыми, что оба врут! Сегодня, например, когда на улице такая теплынь, один из злодеев показал 27 градусов мороза! Даю вам слово, что как только станет возможным их выкорчевать, я с удовольствием вам вышлю. Поверьте мне!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Товарищи! Дайте же слово оратору.

ОРАТОР. Товарищи! Мы собрались сюда, чтобы...

ГУЛ ГОЛОСОВ В ЦЕНТРЕ ЗАЛА. Еще минутку! Тоже в порядке ведения! Вносим предложение!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Давайте быстрей. Мы и так затянули. Что за предложение? Ваша фамилия? Как? Шебуняев?

Н. ШЕБУНЯЕВ. Да. Я генеральный директор Борисовского производственного деревообрабатывающего объединения. Но выступаю не от себя лично, а по поручению большой группы хозяйственников. Мы согласны на медали! Пожалуйста, сколько угодно! Но вы забыли про поставщиков. Разве не достойны медали могилевские клеевары, которые вместо клея поставляют нам жидкую манную кашку? Мое предложение такое: медали рвать пополам. Половина — нам, половина — поставщикам. Как, товарищи? Пусть скажет, например, тов. Меликян, главный инженер Ереванского завода, выпускающего холодильники.

В. МЕЛИКЯН. Вторую часть медали Ленинаканскому заводу холодильных компрессоров, сбывающему нам негодные компрессоры!

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. А Посылторг! Мы забыли про Посылторг! Моя фамилия — Ларин. Я директор завода портативных пишущих машин «Москва». Посылторг не по-честному относится к нашим машинкам: бьет, ранит и калечит! Предлагаю медаль рвать на три части: поставщику, Посылторгу, а уж третью часть оставлять себе.

ВЫСТУПЛЕНИЕ С МЕСТА. Я тоже не от себя лично, а от группы. Наше предложение, может быть, на первый взгляд покажется странным. Но вызвано оно не чувством ложной скромности, а жаждой справедливости. Ведь что получается? Мы стараемся, вкалываем, можно сказать, добиваемся, что с конвейера сходит сложный агрегат, можно сказать, чудо века, венец творчества тысяч людей, и вдруг кому-то не нравится пятнышко на полировке, или, допустим, бок чуть прогнулся. И начинается! И пошло! И рекламации и жалобы во все редакции. А делов-то! Сходил, купил пузырек лака да и затер это пятнышко! Или взял молоток да и выправил бок.

Я вам скажу даже так: почти весь брак в ширпотребе — дело рук самого потребителя ширпотреба! Потому что он технически неграмотен. Вот я и предлагаю медали присуждать не производителям, а потребителям! (Шум в зале. Голоса: «Правильно!», «Они сами виноваты!», «Не умеют — так пусть не покупают!»). Тише, товарищи! Дайте досказать! Я еще предлагаю! Я предлагаю выпускать не готовую продукцию, а полуфабрикаты. И к ним инструменты. Как в кулинарии! Ведь там нет брака. Вот и у нас его не будет! (Возглас: «Молодец! Смело!»)

ГОЛОС. Я целиком поддерживаю коллегу. Я директор завода «Страуме». В № 35 критиковалась наша посудомоечная машина. А дело, оказывается, в том, что товарищ просто не умеет с ней обращаться. Машина не предназначена для мытья блюдечек, чайных и кофейных чашек, а потребитель бросал туда подряд всю посуду.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Возможно, его ввело в заблуждение слово «посудомоечная»?

ДИРЕКТОР. Мало ли что! У нас есть твердый перечень, и машина работает только по нему.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. По всей видимости, человек имел машину, но не имел перечня. Однако мы отвлеклись...

ДИРЕКТОР. Позвольте, я закончу. И потом, зачем товарищ бросал в машину грязные вилки и ножи? Ведь сначала их надо было помыть и бросать уже почти чистые. Тогда мы гарантируем качество. Потом насчет ржавчины: он просто поцарапал моечную камеру — отсюда и ржавчина. Мы торжественно отказываемся от медали «За отвагу при производстве брака» и единодушно присуждаем ее покупателю Дворецкому из Петропавловска-Камчатского!

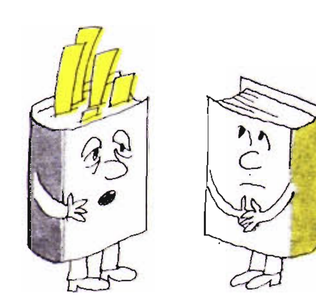
ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Ваша мысль ясна. Однако все-таки большинство присутствующих, как это ни прискорбно, считают виновными в производстве брака не кого-нибудь, а самих себя и даже повели себя нескромно: стали устранять недостатки. Если так дело пойдет и дальше, нам тогда некому будет присуждать медали.

Но мы опять отвлеклись. Просим вас, товарищ оратор. Что вы хотели сказать?

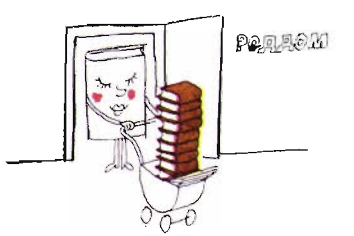
ОРАТОР. Товарищи! Мы собрались сюда, чтобы договориться... никогда больше не собираться по этому вопросу. Вот и все, что я хотел сказать.

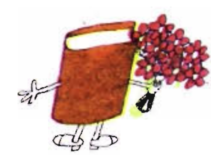
А. СЕМЕНОВ

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

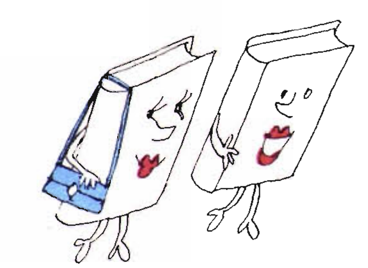

— Память что-то плохая стала...

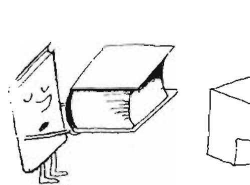

— С большим тиражом!

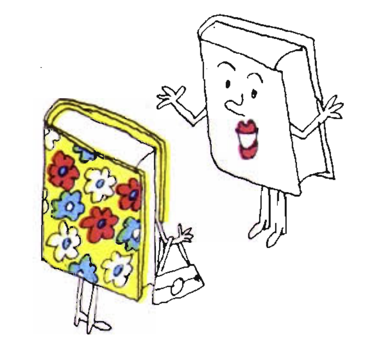

— Ну и чем закончился твой роман?

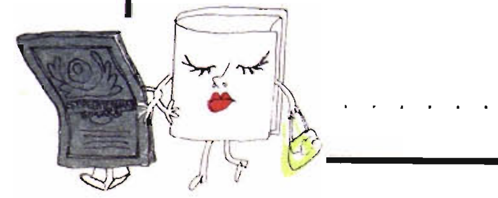

— Вот принес свои мемуары.

— Где вы достали такой чудный супер?

. . . . . .

Н. МОНАХОВ

Где ты теперь, МОСФИЛЬМ?

Внимание! Внимание! Уважаемые граждане, а также дети до 16 лет, которые обычно не допускаются! Приглашаем вас в просмотровый зал Крокодила. Мы начинаем кинофестиваль!

Сначала несколько слов об участниках. Все фильмы сняли сами кинозрители. Сняли... с рекламных щитов. А некоторые даже вырезали из газетных рубрик «Сегодня в кино». А создали эти фильмы и, стало быть, являются их авторами скромные труженики кинорекламы.

Каждый человек хоть чем-нибудь да одарен. Труженики кинорекламы щедро одарены рассеянностью и невнимательностью. А может, и глухотой вроде одного гоголевского героя:

«ЖЕВАКИН. Позвольте, с своей стороны, тоже спросить: с кем-с имею счастье изъясняться?

ИВАН ПАВЛОВИЧ. В должности экзекутора, Иван Павлович Яичница.

ЖЕВАКИН (недослышав). Да, я тоже перекусил... Селедочку съел с хлебцом».

— Алло, — звонит труженик кинорекламы, — что вы нам сегодня привезете?

«Триста спартанцев».

— Да, это хорошо. У нас много болельщиков этой замечательной команды. Сейчас мы афишку обнародуем.

Обнародовал:

С помощью испорченного слуха или испорченного телефона (или того и другого) рассеянные кинопрокатовские жевакины пекут несуществующие фильмы со скоростью киноленты. В буквальном смысле. По грубым подсчетам крокодильской ЭВМ, в стране ежесекундно появляется 20—25 таких шедевров. А по точным подсчетам, пожалуй, и побольше.

15-30. СТО ПЕРВЫЙ СЕНТЯБРЬ. Нач. в 12, 17, 19-30, 22 часа.

(«Сто первый сенатор»).

Домино на западе

(«Далеко на Западе»).

ДЕРЕВЕНСКИЙ ДЕФЕКТИВ
нач. 800 ц-30 коп

(«Деревенский детектив»).

МЕТЕОР | Казанские казаки
Тушино, ул. Свободы, 10. Тел. 491-69-88

(«Кубанские казаки»).

Где ты теперь, Мосфильм?

(«Где ты теперь, Максим?»)

30 АПРЕЛЯ
КАИН
30-х ГОДОВ

(«Каир 30-х годов»).

Цветной широкоэкранный художественный фильм «Герой нашего времени».
I. Бэла.
II. Максим Максимыч.
III. Тюмень.
Начало в 20.30.

(«Тамань»).

(«Встреча на Эльбе», хотя, возможно, «Весна на Одере»)

Но есть настолько выдающиеся кинорекламные шедевры, что порой даже не знаешь, чем можно объяснить их появление. Если рассеянностью, то, несомненно, гениальной.

Широкоэкранный художественный фильм
ПРИКЛЮЧЕНИЯ В ЗАПАДНОГЕРМАНСКОМ ДОМЕ
Производство „Фильм Коперник" и „Стори фильм" Франция

(«Приключения в загородном доме»).

(«Строго засекреченные премьеры»).

(«Спорт, спорт, спорт!»).

(«Мое последнее танго»).

ПАРИЖ — ВАРШАВА БЕЗ ВОДЫ
Производство творческого коллектива «Ритм». Польша.

(«Париж — Варшава без визы»).

14—15 Широкоэкранный художественный фильм
«МИНДАЛЬНЫЙ ДЖО»
Производство «ЧЕХОСЛОВАКИЯ».
(Дети до 16 лет не допускаются).
Начало сеансов: 7, 9 час. вечера.

(«Лимонадный Джо»).

„Рукопись Юрюзань найденная в Сарагосе"
1-2 серия

(«Рукопись, найденная в Сарагосе»).

Деятели киноискусства частенько спорят о том, что является самым трудным в работе над фильмом. И напрасно спорят. Почитали бы лучше собственные интервью. В них есть четкий ответ.

Один известный режиссер рассказывает:

— Наш творческий коллектив с увлечением работает над новым фильмом. Съемки идут ежедневно. Как будет называться картина? Пока сами не знаем. Есть только рабочее название.

Другой, еще более известный режиссер рассказывает:

— Съемки заканчиваем не сегодня-завтра. Названия, как обычно, еще нет. Надеемся, что придет не сегодня-завтра.

Вот видите. Съемки в разгаре или уже заканчиваются, а названия нет как нет. Может, оно и придет не сегодня-завтра, а возможно, его придется вытягивать за уши.

Да не ломайте вы головы, товарищи режиссеры и сценаристы! Поберегите их для новых лент. Выпускайте фильмы без названий. Был бы фильм, а уж прокатчики найдут, как его окрестить. Мало одного имени — дадут несколько!

21.10. 30 — «Виннету—вождь скрипачей», начало в 9, 16. «Встреча у старой мечети», в 10.50, 12.30.

Виннету — вождь палачей
Начало: 15-30, 17-20, 19-20, 21-20

(«Виннету — вождь апачей»).

Художественный фильм
БОНДАРЬ В МАСКЕ

БУНТАРЬ В МОСКВЕ

«УНТЕР В МАСКЕ»

(«Бунтарь в маске»).

ХРОНИКА ВЕСЕЛОГО ЦЕХА

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУТЕШЕСТВИЮ

СМВ — это сатирическая машина времени. Отправляется она по маршруту «От и До» — ежедневно со стартовой площадки, находящейся на территории Московского театра эстрады.

Первые рейсы СМВ, состоявшиеся недавно, протекали в полном соответствии с объявленной программой. По сигналу «Полный назад» участники путешествия в различные периоды нашей истории отправлялись в полет. Корабль, мчавшийся на крыльях фантазии его создателей, незамедлительно прибывал к месту первой остановки — «Стоянка первобытного человека».

Пассажиры СМВ имели возможность убедиться, что и в доисторические времена тоже имелись кое-какие недостатки. Отдельные шкурники сдавали каменные углы студентам и драли с них за это три шкуры пещерных медведей. Имелись эгоисты, жившие по принципу «моя пещера с краю», а некоторые несознательные люди с частнособственническими тенденциями доходили до того, что откармливали на балконах динозавров для продажи на рынке.

Впрочем, не будем больше рассказывать, ибо читатели могут совершить это путешествие лично, посмотрев веселый эстрадный спектакль «От и До», литературная основа которого подготовлена Е. Березиным, Р. Виккерсом, А. Каневским и Ю. Тимошенко. Постановка осуществлена народными артистами Украинской ССР Юрием Тимошенко и Ефимом Березиным, а основные роли в спектакле исполняют наши коллеги по сатирическому цеху Тарапунька и Штепсель.

ВЕЧНО МОЛОДОЙ КАРАНДАШ

Когда произносят слово «цирк», пожалуй, прежде всего представляешь себе клоуна. Потому что без клоуна нет цирка. Когда произносят слово «клоун», пожалуй, большинство людей прежде всего представляет себе Карандаша. Потому что творчество этого замечательного клоуна тесно связано с историей советского цирка.

Недавно в издательстве «Молодая гвардия» вышла книга А. Викторова «С пером у Карандаша». Прочтя эту книгу, вы познакомитесь с удивительным трудолюбием артиста, вспомните талантливые сценки-антре Карандаша, узнаете о его творчестве в разные годы. И вам снова захочется увидеть клоуна на арене.

«НИ В СКАЗКЕ СКАЗАТЬ...»

Появление в тридевятом царстве, а точнее, в королевстве Карликия, ансамбля украинского балета на льду привело к событиям, необычность которых ничуть не противоречит их достоверности.

Роковое сходство между одной из участниц ансамбля и юной королевой, мечтающей о выступлении в ревю, неизбежно привело к тому, что они поменялись местами. Так надо.

И вот в то время, как Ее величество беззаботно порхает на льду, бойкая звезда балета, временно исполняющая высочайшие обязанности, не без успеха расшатывает устои парламентарной монархии.

Все эти драматические события сопровождаются всевозможными интригами, заговорами и погонями, не обходится дело и без привидений.

В общем, «ни в сказке сказать, ни пером описать — только в кино показать», как верно заметил голос за кадром новой кинокомедии «В тридевятом царстве», поставленной на киностудии имени Довженко режиссером Е. Шерстобитовым по сценарию В. Губарева с участием А. Папанова, Н. Давыдовой, Т. Носовой, С. Мартинсона и других не менее известных и неизвестных артистов.

НЕ ТЕРЯЙТЕ ШЛЯП!

Да, в сложную ситуацию попал молодой научный сотрудник Исаким Луст. Посудите сами: накануне своей свадьбы умудрился потерять шляпу, подаренную ему любимой Аки.

Как это случилось, он и сам не знает. Зашел сначала с приятелем, актером оперетты, к его знакомой, где в интимной обстановке обмыл подарок. Рано утром с тяжелой головой вернулся домой и, увидев себя без шляпы, пустился на поиски. Полгорода обошел. И почти нашел. Похожую. На одном складе. Но на беду попал под острое перо журналистки из местной газеты. И вот — на тебе! Стал героем фельетона. А тут еще любимая спрашивает о своем подарке. И Исаким начинает выкручиваться, вовлекая в орбиту лжи всех тех, кто в той или иной степени связан со злополучной шляпой.

В течение всего спектакля Московского драматического театра имени Н. В. Гоголя «Серая шляпа» в зале не умолкает смех.

Смех смехом, но спектакль, поставленный молодым режиссером Г. Соколовым по пьесе эстонского драматурга Арди Лийвеса, заставляет зрителей задуматься о том, что счастье нельзя получить обманным путем, что нравственный облик человека — это нечто значительное и даже «мелкой лжи» нет места в нашем обществе.

А шляпа? Оказывается, она преспокойно лежала в шкафу и смеялась над своим хозяином.

Надежда Михайловна ЧЕРЕПАНОВА
[К 60-летию со дня рождения]

Дружеский шарж Н. ЛИСОГОРСКОГО

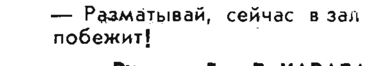
Николай КНЯЗЕВ

СКАЗАНО — СДЕЛАНО

Жена супругу молвила любезно:
«Велосипед нам нужно где-то взять,
Врач мне сказал: на воздухе полезно
Ногами на педали нажимать»...

Глава семьи не стал тянуть резину,
И, взяв аванс, своей супруге он
Купил ножную швейную машину
И выставил на воздух — на балкон.

— Разматывай, сейчас в зал побежит!

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

— Как вас стричь?

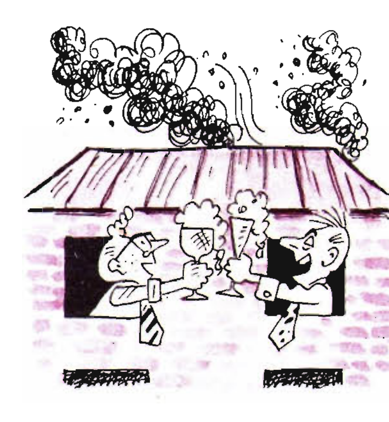
Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА

Рисунок А. СКОТАРЕНКО

— Почем кучка?

Рисунок М. СКОБЕЛЕВА

АХ, ЭТИ МУЖЧИНЫ!

Рабочий день начался как обычно. Раздавался звон бокалов, с громким треском лопались пустые бутылки. В лабораториях Гусевского филиала института стекла проверяли образцы изделий на прочность. Будничную обстановку нарушали лишь красочные открытки на рабочих столах у женщин...

Женский день хотели отметить скромненько. Но скромненько не получилось...

Сначала, правда, все шло по установленной программе. Часика эдак в три была объявлена торжественная часть. Ее провели действительно торжественно, а главное, без ощутимых материальных затрат. Директор института Д. И. Клегг от имени и по поручению представителей сильного пола горячо поздравил сотрудников прекрасного пола с наступающим праздником. Джим Иванович не скупился на теплые слова в адрес славных тружениц. Директор закончил речь условным сигналом. Все мужчины тотчас вскочили со своих мест и вручили дамам по букетику мимоз. На лицах растроганных женщин расцвели улыбки.

Потом торжественную часть сменила художественная, выступали артисты.

А в лаборатории отдела тарного стекла продолжали звенеть бокалы. Но это уже не было проверкой их качества. Тут отмечал праздник дружный коллектив под руководством завсектором В. М. Смолина. Пока Владимир Михайлович выступал с яркой речью, Вячеслав Удальцов слетал в магазин и принес две бутылки золотистого вина «Бисер» для женщин и бутылку малинового сиропа для мужчин.

— Проведем маленький эксперимент! — воодушевился В. М. Смолин. Он взял колбу с производственным спиртом и влил в нее малиновый сироп. Получился весьма непроизводственный напиток. Тем временем Валентин Галкин и Владимир Шатаев жарили на электроплитке картошку. Дамы же, как и полагается раз в году, были освобождены от всяческих хлопот. Они пребывали на седьмом небе и с его высоты посмеивались над мужской неловкостью:

— Ах, эти мужчины! Вечно у них что-нибудь подгорит.

Но мужчины, естественно, не обижались, а вели себя как настоящие рыцари. Они накрывали на стол, произносили пышные тосты, приглашали дам на танцы под радиолу. Вечер удался на славу. Затем рыцари подали дамам пальто, а сами, засучив рукава, остались мыть посуду.

Ах, эти мужчины в роли хозяек! У них подгорела не только картошка. Когда расходились навеселе по домам, то забыли выключить электроплитку. В результате получился незапланированный фейерверк. Вспыхнули деревянные панели, весело затрещал паркет, заполыхало оборудование. Пламя охватило весь четвертый этаж главного корпуса...

Праздник обошелся институту в шестьдесят тысяч рубликов. Ах, на что только не пойдешь ради прекрасных дам!

В. КАНАЕВ

г. Гусь-Хрустальный, Владимирской области.

КАК ВАС ТЕПЕРЬ НАЗЫВАТЬ?

Как известно, дети рождаются безымянными. И родителям приходится ломать голову, как назвать любимое чадо. Потому как никто не желает обращаться к младенцу таким образом: «Дорогой новорожденный!» или «Девочка в зеленых ползунках!»

Но имен столько, что глаза разбегаются. Даже книги с их перечислением выходят. Даже Утесов по радио поет: «Как много ласковых имен!» Попробуй тут остановись на одном-единственном, которое сможет в дальнейшем тревожить чье-то сердце, унося покой и сон.

Задачка, прямо скажем, не из простых. Хотя и бывают родители, которые обходятся без подобных терзаний. Они еще задолго до рождения ребенка облюбовывают два имени — мужское и женское. И в первый же день появления девочки или мальчика на свет могут обратиться к ним вполне определенно: «Здравствуй, Катюня! Приятного тебе аппетита!» Или: «Хэллоу, Боб! С днем рождения, старина!»

К таким предусмотрительным родителям относятся молодожены Виктор У. и Анна Ш. Они заранее остановились на двух именах: Виталий и Анжелика. И когда 19 октября 1971 года у них родилась девочка, счастливая мама сказала ей: «Доброе утро, Анжелика! Как поживаешь?»

Конечно, Анжелика ни слова не проронила в ответ. И даже не поняла, что Анжелика — это не кто иной, как она. Она вообще ничегошеньки еще не смыслила и не догадывалась, где оказалась.

А оказалась Анжелика в поселке Черноморском, Краснодарского края. Именно этот населенный пункт отвела ей судьба для рождения. Именно здесь в поселковом Совете предстояло зарегистрировать юную гражданку по имени Анжелика.

Однако поселковый Совет в лице секретаря исполкома Коваленко отказался признать факт рождения на его территории Анжелики. То есть он готов был выдать Виктору У. и Анне Ш. свидетельство о рождении их девочки, но при условии, если они назовут своего ребенка другим именем.

— Анжелика при нашей районной специфике режет слух, — заявила им секретарь Коваленко. — И, кроме того, в имеющемся у меня каталоге такое имя не значится. Сомневаюсь, существует ли оно вообще. Предлагаю впредь именовать девочку, самовольно названную вами Анжеликой, Татьяной.

— Позвольте, чье дитя регистрируется — наше или ваше? — изумились молодые родители. — По-нашему, наше.

— Дитя ваше, а имена наши, — разъяснила секретарь. — Именами распоряжаемся мы. В последний раз предлагаю: либо Татьяна, либо пусть дитя остается безымянным.

— Татьяна, Татьяна! — в один голос закричали Виктор У. и Анна Ш., испугавшись, что девочка останется вовсе без имени.

Так Анжелика сделалась Татьяной. Хотя в неофициальном порядке родители продолжают называть ее Анжеликой.

Э. П.

ТАМ ОНА НЕ НОЧЕВАЛА...

Воскресным утром в гараж Валуйского мехлесхоза, что на Белгородчине, наведался шофер Иван Ситников.

— Где тут моя ненаглядная? — спросил он, зевая.

Гулкое эхо было ему ответом. Место, где обычно стояла машина под номером 49-48, было пусто.

— Угнали родимую! — со слезой в голосе крикнул Ситников. — Милицию сюда! Ратуйте!

Похищение автомашин не очень характерно для трудовых будней Валуйского мехлесхоза, поэтому в милицию сообщили немедленно. Там пообещали начать розыск по всей округе.

— Только вчера вечером лес на ней возил, — проникновенно описывал между тем Ситников. — А потом вернулись мы в гараж вместе с Герасимовым, воду я из системы охлаждения слил...

— Ой, врешь! — вскинулся сторож. — Не пригонял ты вчера сюда машину, она тут и не ночевала.

— Ка-ак не пригонял?! — закипел Ситников не хуже воды в системе охлаждения. — Да я вот этим самым ключом ее запер, как сейчас помню! Спать надо, батя, на дежурстве поменьше, вот что.

— Ну, ладно, а где же все-таки машина? — вернулся к теме директор лесхоза.

— Полагаю так, что Герасимов ее к себе домой угнал, в село Рождествено.

— Да вот же его машина в гараже стоит. Почему он на ней не поехал?

За ответом на этот детективный вопрос поисковая группа в составе И. Ситникова и механика В. Котова тотчас двинулась в Рождествено, где и застала шофера Герасимова В. Н. сладко посапывающим в теплой постели.

— А где моя машина? — грозно подступил Ситников к коллеге. — Ты ее, такой-сякой, куда и зачем...

— Артист! — восхитился Герасимов. — Я же тебя, понимаешь, вчера на буксир прицепил, когда у тебя система зажигания отказала, а ты же еще ко мне...

— На буксир?! И куда же ты меня уволок?

— Никуда. Отцепил тут же. Поскольку ты управлять даже на буксире не мог.

— Это почему же?

— А потому, что нарезавшись был.

— Это я-то? Ты, знаешь, говори, да не того... Я приехал домой на машине, как сейчас помню!

— На машине, да только не на своей. Свою ты возле Принцевского свеклопункта бросил. Там мы ее и заперли. А домой я тебя самолично доставил. Припоминаешь?

— Постой, постой... Да, кажись, так и было... Вот потеха-то, братцы! А?

Однако братцы увидели в этой истории мало потешного. Ситникова И. Ф. сняли с машины и лишили на год водительских прав.

В. АЛЕКСАНДРОВ

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

— Я увольняю вас не потому, что вы спите в конторе, а потому, что спите не под своей буквой.

«Квик», ФРГ.

— Я начала ходить, когда мне было десять месяцев, — говорит маленькая девочка своей подружке.

— Подумаешь! Я тоже в десять месяцев могла ходить, но я не стала говорить об этом своим родителям, и они носили меня на руках до двух лет.

●

На набережной Марселя через парапет наклонился мужчина и что-то пристально рассматривает в воде.

— Вы что-нибудь уронили? — участливо спрашивает прохожий.

— Да, вчера я обронил в Атлантическом океане свои очки!

— Но ведь это Средиземное море, черт возьми!

— В самом деле? Без очков так легко обознаться...

●

Один доктор говорит другому:

— Я решил увеличить гонорар, который беру с пациентов.

— А что они тебе скажут на это?

— Видишь ли, я буду чаще предписывать им диету, поэтому их бюджет все равно не пострадает.

●

Дама сидит за рулем машины. После красного света на светофоре загорелся желтый, затем зеленый, но дама не тронулась с места. Тогда к ней подошел полицейский и учтиво спросил:

— Не желает ли мадам какой-нибудь другой свет?

●

Старичок спрашивает на ипподроме у соседа:

— Скажите, в чем цель этих состязаний?

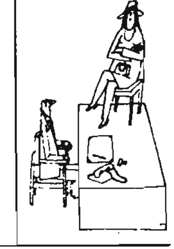
— Лошадь, пришедшая первой, получает приз.

— Понятно. А зачем же бегут все остальные?

●

Встретились два старых врача. Первый рассказал историю одного своего больного, который по всем прогнозам должен был умереть еще десять лет тому назад, но живет до сих пор и надеется прожить еще долго.

— Это еще раз доказывает, — заметил второй врач, — что когда больной действительно хочет жить, бессильна даже медицина.

«Ойленшпигель», ГДР.

Андре ДАЛЬ (Франция)

Вид на море

1

Директору отеля «Нормандия»

Мсье!

Я хочу провести 21 день на берегу моря, и я был бы Вам обязан, если бы Вы зарезервировали мне комнату с видом на море, начиная с 17 июля.

С уважением

Жан Флапш

Уважаемый господин Флапш!

С сожалением сообщаем Вам, что мы ни в коем случае не сдаем наши комнаты на срок, превышающий восемь дней. Практика показывает, что за восемь дней наши клиенты обычно все проигрывают в казино. Если они не проигрывают все свои деньги за восемь дней, это значит, что они не играют в казино, и, таким образом, они не представляют для нас ни малейшего интереса.

2

Директору отеля «Золотой петух»

Я хочу провести три недели на берегу моря и буду бесконечно благодарен, если Вы зарезервируете, независимо от этажа и комфорта, комнату с видом на море. Я буду обедать только в отеле и прибуду 17 июля.

В надежде на Ваш положительный ответ

Ваш

Жан Флапш

Господин Флапш!

К сожалению, комнаты с видом на море давно зарезервированы. У нас есть, однако, комната, из окон которой видна городская водонапорная башня. Мы уверены, что и комната и башня Вам понравятся.

3

Семейный пансион мадам Вюф Синагла

Мадам!

Я знаком с человеком, который у Вас жил в прошлом году, — Роже Кристеном, — и поэтому я хочу Вас попросить зарезервировать начиная с 17 июля комнату с видом на море.

Я спокойный человек, любящий музыку. Я не курю и не ссорюсь с прислугой.

Ваш

Жан Флапш

Дорогой господин Флапш!

Поскольку Вы знакомы с господином Кристеном, я немедленно решила пойти Вам навстречу. Наш пансионат уже забит до отказа. Но тем не менее я нашла Вам комнату в городе, о которой можно сказать, что она иногда с видом на море, то есть если Вы высунетесь из окна, то в момент самого высокого прилива Вы увидите небольшой кусочек моря.

Хозяева — замечательные люди. Они просят Вас всегда возвращаться домой не позже 9 часов вечера и не пользоваться их туалетом. Ближайшие туалеты находятся всего лишь на расстоянии 20 минут ходу.

4

Мсье!

Нет ли в Вашей гостинице какой-либо комнаты с видом на море? Я прибуду послезавтра. Я прилагаю к этому письму 20 франков, чтобы Вы могли мне ответить немедленно телеграммой.

Верьте и т. д.

Жан Флапш

Мсье Флапш!

Мы забронируем для Вас комнату, если вы дадите письменное обещание заплатить за три недели вперед и прибудете днем. Громадное окно на море, вид на романтичный маяк, прекрасная комната.

* * *

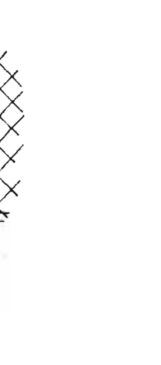
Мсье Флапш перевел деньги по телеграфу и на следующий день уже с восторгом смотрел из окна на море и на романтичный маяк. «Боже, — думал он, — какой, однако, недоверчивый чудак этот хозяин. Заплатить за три недели вперед — да за такую прелесть, за один только этот красавец маяк я готов отдать что угодно!»

С дороги он устал и решил лечь пораньше. Едва он только задремал, как чудовищной силы рев буквально выбросил его из постели. Дико озираясь, он сидел в темноте, думая, что рев ему, наверное, приснился. Но рев повторился. Потом еще раз. И еще. И еще.

Звук исходил от маяка. Это был маяк-ревун.

— Не слушаешься мамочку! Сколько раз я говорила тебе — работай в перчатках!

«Уикэнд», Англия.

— Не одолжишь мне до утра десятку?

«Билледбладет», Дания.

Мильор ФЕРНАНДЕШ (Бразилия)

СЛОВА, СЛОВА...

Голос избирателя — оружие гражданина. Оружие — голос правительства.

* * *

Он женился два раза и оба раза неудачно. В первом случае его жена сбежала из дома, во втором — нет.

* * *

Популярные писатели обычно непопулярны среди писателей.

* * *

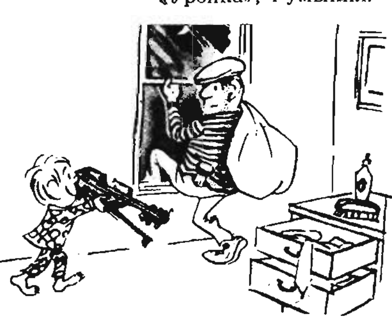
Прощай своих врагов. Особенно если они знают дзюдо или бокс.

* * *

Лицо — зеркало души, говорит старая пословица. Советую сменить зеркало, если вам за пятьдесят.

«Урзика», Румыния.

«Уикэнд», Англия.

Стивен ЛИКОК (Канада)

ТЕСТ

Джон Смит уже некоторое время отбывал воинскую повинность, но не проявлял при этом ни сообразительности, ни инициативы. Сначала его направили в пехоту, но оказалось, что для этого рода войск он слишком туп. Попробовали конницу, но там он зарекомендовал себя еще хуже. Однако, поскольку Смит был парень крепкий, здоровый, уволить его вообще из армии не могли. Оставалось одно — перевести его в другое подразделение.

И вот Джон Смит отрапортовал о своем прибытии новому начальнику.

— Ну вот что, Джон, — сказал тот, — главное в воинской службе — это всегда проявлять смекалку и предприимчивость. Другими словами — интеллект. Понял?

— Так точно, сэр.

— Теперь слушай меня внимательно: я тебе устрою испытание, задам тест. Как ты думаешь, есть у тебя интеллект?

— Кто ж его знает! — протянул, переступая с ноги на ногу, Джон.

— Сейчас увидим. Скажи мне, что это такое: имеет две подошвы, два каблука и 24 дырки для шнурков.

Джон Смит напряженно думал. Около трех минут. На лбу у него выступили мелкие капли холодного пота.

— Не могу знать, сэр, — наконец произнес он.

— Вот чудак, — усмехнулся офицер. — Это же одна пара ботинок! Но продолжим. Скажи, что такое: имеет четыре подошвы, четыре каблука и 48 дырок для шнурков.

Спустя пять минут взмокший от напряжения Джон повторил:

— Не могу знать, сэр...

— М-мда-а... Это же две пары ботинок! Ну, попробуем последний вопрос. Что имеет шесть ног, два рога и в мае летает и жужжит? Если не ответишь, я уж и не знаю, что с тобой делать.

Не долго думая, Джон Смит выпалил:

— Так это ж три пары ботинок, сэр!..

КРОКОДИЛ

№ 12 (2022)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

журнал выходит три раза в месяц

Темы рисунков этого номера придумали: Г. Александров (г. Зерноград), А. Алешичев, М. Битный, М. Вайсборд, В. Владов, Е. Горохов, А. Грунин, В. Жаринов, Ю. Марчуков (г. Калининград, Московской обл.), В. Мохов, М. Скобелев, А. Скотаренко, Ю. Степанов, Ю. Узбяков.

НАШ АДРЕС: 101455 МОСКВА А-15 ГСП БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД Д. 14

ТЕЛЕФОНЫ: 250-10-86 253-34-37

Главный редактор М. Г. СЕМЕНОВ

■

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
Е. П. ДУБРОВИН
Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
Г. О. МАРЧИК
(ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Е. А. ШУКАЕВ
(художественный редактор)

■

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

■

Технический редактор А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 10/IV 1972 г. А 00911. Подписано к печати 19/IV 1972 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 000 000 экз. (1-й завод: 1 — 3 170 400). Изд. № 906. Заказ № 2828.

■

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865 Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

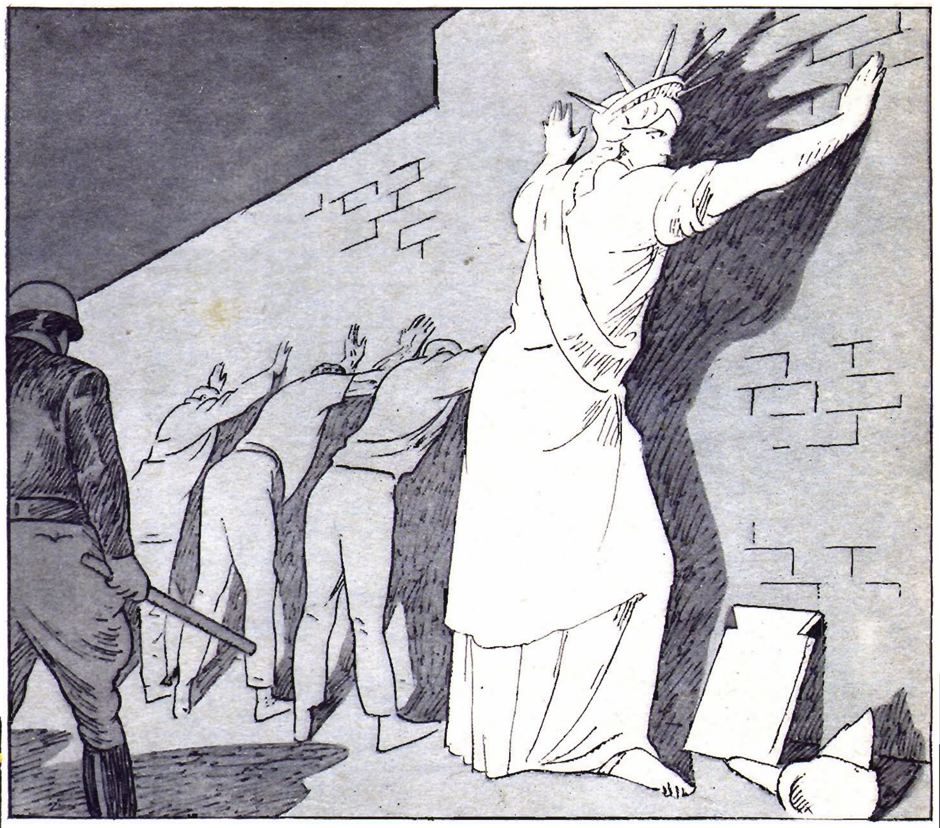
Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

МЕЖДУНАРОДНОЕ ИЗО ОБОЗРЕНИЕ

Весна — пора надежд и любви. Но почему-то пробуждение природы не пробуждает радужных надежд в душах американских вояк во Вьетнаме. Они верят в гороскопы, а расположение звезд на небе разрушает последние иллюзии, особенно если эти звезды зажжены ракетами противовоздушной обороны вьетнамских патриотов.

Израильские оккупанты влюблены в арабские земли. Причем настолько страстно, что вовек не желали бы с ними расстаться. Столь жаркие чувства подогреваются отличным топливом — арабской нефтью, которую захватчики добывают при помощи бура с шестиугольным наконечником.

Теплая весна сулит Америке жаркое лето. Она обещает богатый урожай гроздьев гнева. Ну, а то, что приставленными к стенке оказываются не только демонстранты, а и сама американская «Свобода», никого не волнует. Меньше свобод — больше порядка, рассуждает полиция.

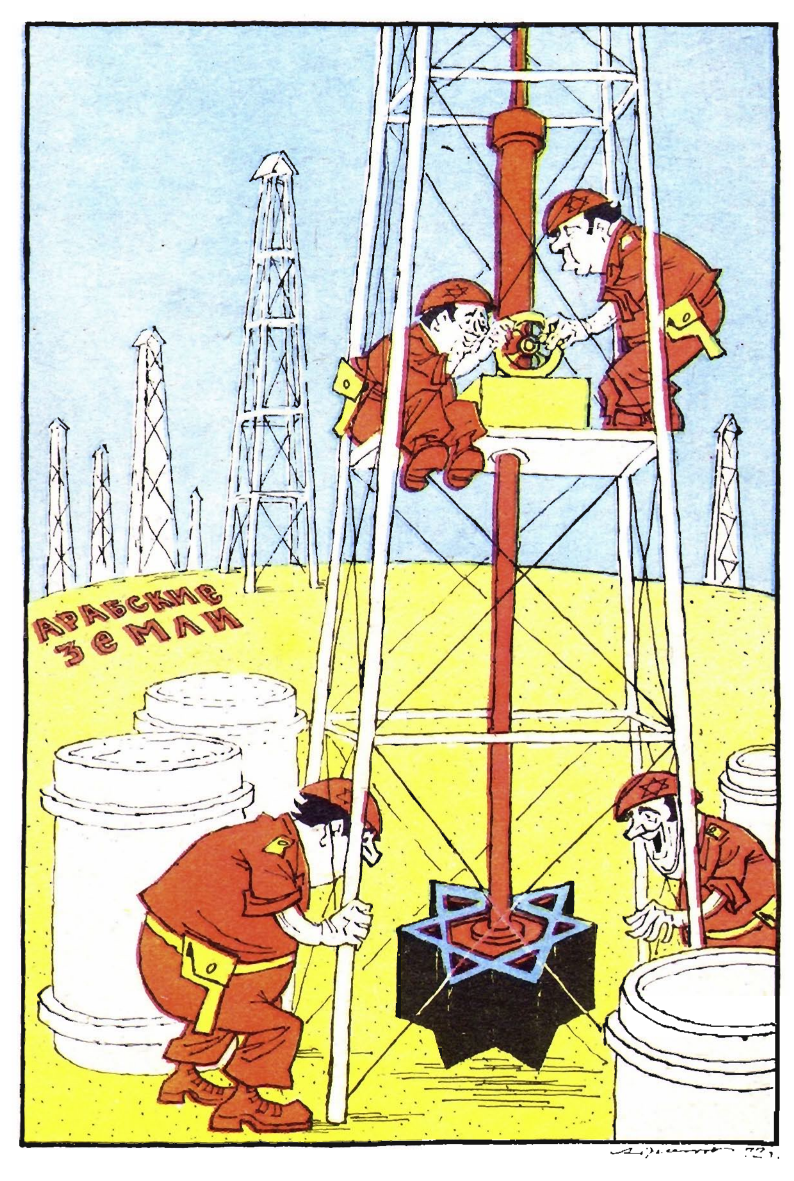
К СТЕНКЕ

Рисунок А. КРЫЛОВА

— Судя по звездам, нам отсюда живыми не уйти...

Рисунок Е. ГОРОХОВА

Со своим буром.

Рисунок М. АБРАМОВА